

The background of the image is a photograph of a desert landscape. In the foreground, there are sand dunes with distinct, wavy ripples in the sand, likely created by wind. A dark, shadowed area is visible in the middle ground, possibly a small cave or a deep crevice in the dunes. The sky above is a warm, golden-yellow color, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is serene and mysterious.

Мария Корелли

*Сила
неведомая*

Мария Корелли

Сила неведомая

«Издательские решения»

Корелли М.

Сила неведомая / М. Корелли — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746704-3

Моргана Роял — прекрасная, богатая женщина-фея, наделённая мощным умом, имеет личный летучий корабль, общается по беспроводной связи с представителями высшей расы и раскрывает секрет вечной жизни.

Но дикая красотка Манелла становится её соперницей в борьбе за сердце эгоистичного учёного, который мечтает подчинить весь мир при помощи своего разрушительного открытия...

ISBN 978-5-44-746704-3

© Корелли М.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сила неведомая

Мария Корелли

© Мария Корелли, 2016

© А. В. Боронина, перевод, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Облако медленно плыло над вершиной горы. Обширное, кудрявое и белое, как пенный гребешок морской волны, оно двигалось по небу с видом божественного величия, и, казалось, почти демонстрировало сознание собственного великолепия. Над просторным участком Южной Калифорнии оно раскинуло свой белоснежный навес, двигавшийся с отдалённого Тихого океана через высоты горной цепи Сьерра Мадре, время от времени ловя пламя от снижавшегося солнца самым своим краем, который горел, как красное знамя, брошенное на крышу грубо сколоченной хижины, расположенной на стороне наклонной лощины одного из самых низких холмов. Дверь хижины была открыта; пара скамеек стояло на выжженной траве во дворе: одна из них служила столом, другая – стулом. Бумаги и книги возвышались опрятной горой на столе, а на стуле, если его можно было так назвать, сидел человек за чтением. С первого взгляда его вид представлялся не располагающим к себе, хотя сами черты его лица с трудом угадывались – так сильно их скрывала густая борода. По части одежды он мало себя утруждал. Свободные шерстяные брюки, белая рубашка и кожаный ремень для поддержки обоих предметов одежды составляли весь его наряд, который завершали белые полотняные ботинки. Солома его тёмных волос, тонких и нечёсанных, видимо, служила ему достаточным головным убором, и он, казалось, не замечал, или не обращал внимания, на горящий блеск летнего солнца, который едва смягчала длинная тень плывущего облака. Иногда он был поглощён чтением, иногда – письмом. Рядом с ним лежал маленький блокнот, в который он время от времени заносил определённые цифры и делал быстрые подсчёты, нетерпеливо хмурясь, словно сам процесс письма с трудом поспевал за скоростью движения его мыслей. Повсюду стояла удивительная тишина – тишина, которую едва ли поймёт тот, кто никогда не бывал в обширной стране, накрытой огромными отрезками чистого неба и отгороженной от остального мира горными грядами, будто гигантскими стенами, возведёнными титанами. В таких местах немного жителей, транспорта нет, кроме случайных вьючных мулов, переходящих холмистыми дорогами, – никаких признаков современной цивилизации. На фоне столь глубокого и торжественного одиночества вид человеческого жилья кажется чуждым и неуместным, и всё же человек, сидевший у своей хижины, выглядел довольным хозяином, что не всегда встречается у богатых собственников особняков и облагороженных земель. Он был столь задумчив и так поглощён своими книгами и бумагами, что едва ли заметил и, конечно же, не услышал приближения женщины, которая устало карабкалась вверх по склону холма, на вершине которого его хижина являла собой нечто вроде домохозяйства; и она подошла к нему, неся жестяной бидон, полный молока. Она поставила его рядом, в пределах ярда или двух, и потом, распрямив спину, она положила руки на бёдра и глубоко вздохнула. С минуту или две он её не замечал. Она ждала. Она была крупной, красивой девушкой, загорелой и черноволосой, с тёмными сверкающими глазами, в которых горела искра, происходившая не из небесного света. Наконец, осознав её присутствие, он откинул книгу в сторону и посмотрел вверх.

– Что ж! Значит, ты всё-таки пришла! Вчера ты говорила, что не придёшь.

Она пожала плечами.

– Не хочу, чтобы ты голодал.

– Как любезно с твоей стороны! Но меня голодом не уморить.

– Если у тебя не будет еды...

– То я что-нибудь найду, – сказал он. – Да! Я что-нибудь где-нибудь найду! Мне нужно совсем немного.

Он поднялся, лениво закинув руки за голову, затем, наклонившись, он поднял бидон с молоком и занёс его в хижину. Исчезнув на мгновение, он вернулся, неся назад пустой бидон.

– Теперь мне хватит на два дня, – сказал он, – и даже больше. То, что ты принесла мне в начале недели, благополучно прокисло; «прекрасный творог», как говорил наш домашний повар, и с этим «прекрасным творогом» и фруктами я просто роскошествую. Тут он пощупал карманы и вытащил пригоршню монет. – Этого ведь достаточно?

Она пересчитала их, попробовала одну монету на свой сильный белый зуб и кивнула.

– Не шути со мной, – решительно сказала она. – Ты платишь «Плазе».

– Сколько раз ты ещё будешь мне напоминать! – ответил он со смехом. – Конечно, я знаю, что плачу не тебе! Конечно, я знаю, что плачу «Плазе»! Этому восхитительному «отелю-санаторию» с тропическим садом и совершенно неудобному...

– Он удобнее этого, – сказала она, бросив пренебрежительный взгляд на его бревенчатое жилище.

– Откуда тебе знать? – и он снова рассмеялся. – В каком отеле ты когда-нибудь жила? Ты работаешь в «Плазе» на побегушках, обслуживаешь несчастных инвалидов, которые приезжают в Калифорнию «лечиться» от неизлечимых болезней...

– Ты не инвалид! – сказала она с лёгким оттенком презрения.

– Нет, я только притворяюсь!

– Зачем ты притворяешься?

– О, Манелла! Что за вопрос! Зачем мы все притворяемся? Все! Каждый человек – от младенца до старика! Просто затем, что не смеем взглянуть правде в глаза! Например, взгляни на солнце! Это огненная печь размером в пять тысяч миль, но мы «притворяемся», что это наш красивый дневной светоч! Нам приходится притворяться! Если нет, то мы бы сошли с ума!

Манелла в задумчивости нахмурила брови.

– Не понимаю тебя! – сказала она. – Зачем ты говоришь эту ерунду о солнце? Я думала, что ты всё-таки болен, что у тебя проблемы с головой.

Он кивнул с насмешливой торжественностью.

– Так и есть! Ты мудрая женщина, Манелла! Вот почему я здесь. Не из-за туберкулёза лёгких – из-за туберкулёза мозга! Ох, эти больные туберкулёзом! Они никогда не останавливаются в «Плазе»! Веселье, блеск и всё такое – слишком ослепительное окружение!..

Он помолчал, и блеск белых зубов под его тёмными усами выдавал подобие улыбки:

– Вот почему я живу здесь.

– Ты смеёшься над «Плазой», – сказала Манелла, с досадой закусив губу, – и надо мной тоже. Я для тебя ничто!

– Абсолютное ничто, дорогая! Но почему ты должна что-то для меня значить?

Тёплый румянец вернул её загорелой коже более глубокий оттенок.

– Мужчины часто любят женщин! – сказала она.

– Часто? О, более чем часто! Слишком часто! Ну и что?

Она нервно крутила одной рукой концы своей разноцветной косынки.

– Ты мужчина, – ответила она кратко, – у тебя должна быть женщина.

Он рассмеялся глубоким, грудным, сердечным, довольным смехом.

– Неужели? Ты и вправду так думаешь, удивительная Манелла? Подойди! Подойди поближе ко мне!

Она подчинилась, двигаясь мягким шагом лесного животного и, оказавшись лицом к лицу с ним, взглянула ему в глаза. Он доброжелательно улыбнулся, глядя в её тёмные жестокие глаза, и отметил с одобрением художника нетронутую прелесть природных линий её фигуры и гордую статью её красивой головы на хрупкой шее и великолепных плечах.

– Ты очень красивая, Манелла, – лениво заметил он. – Просто модель для Юноны. Гордись собой. У тебя должны быть сотни любовников!

Она вдруг нетерпеливо топнула ногой.

– У меня нет ни одного! И ты это знаешь! Но тебе плевать!

Он с укоризной погрозил ей пальцем.

– Манелла, Манелла, ты непослушная! Держи себя в руках! Конечно, мне плевать. Будь разумной! Зачем ты мне?

Она плотно прижала обе руки к груди в попытке успокоить своё быстрое, взволнованное дыхание.

– Зачем я тебе? Я не знаю! Но мне нужен ты! Я была бы твоей женщиной! Я была бы твоей рабой! Я бы ждала тебя и верно служила тебе! Я бы выполняла каждое твоё желание. Я хорошая служанка – умею готовить, шить, стирать и убираться, могу делать всё по дому, и у тебя бы не было никаких проблем. Ты мог бы читать и писать весь день, я и слова не сказала бы, чтобы тебя не побеспокоить. Я бы стерегла тебя, как собака, которая любит своего хозяина!

Он слушал со странным выражением в глазах – выражением удивления и какого-то сострадания. Наступило молчание. Тишина холмов была, или казалась, более напряжённой и подавляющей, большое белое облако ещё было растянуто вдоль всего медленно темневшего неба. Наконец он заговорил:

– А какова цена, Манелла? Сколько я должен заплатить за такую служанку или собаку?

Голова её поникла, она избегала его пристального, вопросительного взгляда.

– Сколько, Манелла? Нисколько, скажешь ты, кроме только любви! Ты говоришь, что была бы моей женщиной, и я знаю, что ты веришь в это; что была бы моей рабой – и в это ты тоже веришь. Но ты ведь захочешь, чтобы и я тебя полюбил! Манелла, не существует такой вещи, как любовь! Не в этом мире! Есть только животное притяжение, магнетизм между мужчиной и женщиной, который толкает два противоположных пола друг к другу, для того чтобы на этой планете родился новый урожай глупцов, – но любовь! Нет, Манелла! Её нет!

Здесь он нежно высвободил её руки из плотно сжатого положения на груди и взял их в свои.

– Не существует, моя дорогая! – продолжил он мягким, успокаивающим голосом, словно говорил с ребёнком. – Кроме как в мечтах поэтов, а ты – по счастью! – ничего не знаешь о поэзии! Дикий зверь внутри тебя тянется к ручному здравомыслящему зверю во мне; и ты стала бы моей женщиной, а я стал бы твоим мужчиной. Я вполне уверен в том, что соответственно природному инстинкту самка избирает себе партнёра, однако, хоть это правило и работает в лесном мире, оно не всегда работает в человеческом стаде. Мужчина считает, что именно у него есть право выбора – большая ошибка с его стороны, конечно, поскольку у него нет истинного понимания красоты и соответствия, и обычно он делает отвратительный выбор. Он всё равно остаётся упрямым дикарём и придерживается своих грубых идей, как улитка в своей раковине. Я – упрямый дикарь! И я совершенно убеждён, что у меня нет права выбрать себе женщину, если бы я и хотел (а я не хочу) или если бы захотел (а я не захочу)!

Она быстро вырвала свои руки из его пожатия. В её прекрасных тёмных глазах стояли слёзы.

– Ты говоришь, говоришь! – сказала она почти рыдающим голосом. – У тебя вечно одна болтовня, которой я не могу понять! Я только бедная, необразованная девушка и не умею красиво говорить, зато умею любить! Ах да, я умею любить! Ты говоришь, что нет никакой любви! А что же это такое, когда молишься днём и ночью за мужчину? Когда стираешь пальцы в кровь ради него? Когда готова умереть, но защитить его от болезни и боли? Как ты это называешь?

Он улыбнулся.

– Самообманом, Манелла! Красивым самообманом каждой нормальной женщины, когда её мечты вращаются вокруг определённого типа мужчин. Она создаёт из него совершенство в своих фантазиях и делает его богом, в то время как он – не что иное, как дьявол!

Что-то зловещее и жестокое в его взгляде поразило её, и она осенила крестным знаменем свою грудь.

– Дьявол? – пробормотала она. – Дьявол?

– Ах, теперь ты напугана! – сказал он с весёлым проблеском в глазах. – Ты добрая католичка – веришь в дьявола, поэтому крестишься для защиты. Это правильно! Так ты сможешь защитить себя от влияния зла! Мудрая Манелла!

Лёгкая насмешка в его голосе задела её гордость – ту гордость, которую в ней подавляли сильные неудержимые эмоции. Она подняла голову и посмотрела на него с сожалением и презрением.

– Теперь я думаю, что ты, должно быть, злой человек! – сказала она. – Сердца у тебя нет! Ты не заслуживаешь любви!

– Верно, Манелла! Твоя стрела трижды поразила цель: я злой, у меня нет сердца, и я не заслуживаю любви. Нет, не заслуживаю. Мне бы она наскучила!

– Наскучила? – повторила она эхом. – Как это?

– Как это? Наскучила бы и всё, Манелла! Скука – это просто скука. Это значит усталость, старение – состояние, в котором хочется залезть в горячую или в холодную ванну, чтобы никто тебя не трогал. Любовь прикончила бы меня в течение месяца!

Её большие глаза распахнулись ещё шире, чем обычно от жалобного недоумения.

– Но как? – спросила она.

– Как? Точно так же, как ты сама сказала: молиться днём и ночью, работать, пока не сотрёшь пальцы в кровь, быть под защитой от болезни и боли – о Небо! Только подумайте! Никаких больше приключений в жизни, никакой свободы! Только любовь, любовь, любовь, которая вообще не была бы любовью, а лишь цепями для несчастного негодяя в тюрьме!

Она покраснела от злости.

– Кто это посадит тебя на цепь? – спросила она. – Только не я! Ты мог бы делать со мной что захочешь, и ты это знаешь! И когда ты уехал бы отсюда, то позабыл бы меня – я никогда не стала бы беспокоить тебя напоминанием о себе! У меня должно быть счастье – хотя бы на один день!

Пафос в её голосе растрогал его, хоть его и нелегко было растрогать. Поддавшись внезапному порыву, он обхватил её рукой, притянул к себе и поцеловал. Она задрожала от этой ласки, а он улыбнулся её эмоциям.

– Один поцелуй – ничто, Манелла! – сказал он. – Мы так же целуем детей, как я тебя! Ты дитя, женское дитя. Физически ты – как Юнона, по разуму – подросток! Постепенно ты повзрослеешь и порадуешься, что я лишь поцеловал тебя! Становится поздно – тебе пора домой.

Он выпустил её и мягко отстранился. Затем, так как он увидел её всё ещё поднятые в вопросительном взгляде глаза, он рассмеялся.

– Согласно моим словам, – воскликнул он, – я делаю из себя полного дурака, теряя время на женщину! Иди домой, Манелла, иди домой! Если ты умна, то не задержишься здесь больше ни на минуту! Тебя переполняет любопытство, как и всех женщин! Тебе интересно узнать, отчего я живу здесь, в этой хижине, один вместо того, чтобы переехать в «Плазу». Ты считаешь меня богатым англичанином. Но это не так. Ни один англичанин не бывает достаточно богат для удовлетворения собственных желаний. Он жаждет всей земли и всего, что есть на ней, и, конечно же, не способен это заполучить. Он скорее пожалеет для Америки её огромной территории, забывая о том, что мог бы заполучить её для себя по цене чая. Но я не жалею ничего ни для кого – Америка рада всему, насколько я знаю, Британия тоже, – так пусть они обе едят и будут счастливы. Всё чего я хочу, это чтобы меня оставили в покое. Слышишь ты это, Манелла? В покое! В особенности женщины. Это одна из причин, из-за чего я здесь. Эта хижина – убежище для больного туберкулёзом, куда приезжает умирать неизлечимый пациент со своей сиделкой. Мне сиделка не нужна, и умирать я не собираюсь. Туберкулёз меня не тро-

гает – не цепляется ко мне. Так что такое уединение мне подходит. Если бы я жил в «Плазе», то неминуемо встречал бы множество женщин...

– Нет, не множество, – вдруг резко перебила его Манелла, – только одну женщину.

– Одну? Тебя?

Она вздохнула и нетерпеливо дёрнулась.

– О нет! Не меня. Иностранку.

Он посмотрел на неё с интересом.

– Больную?

– Может быть. Я не знаю. У неё золотые волосы.

Он выказал неприязнь.

– Ужасно! Этого уже вполне достаточно! Могу себе представить её: кашляющее, умирающее существо в соломенном парике. Да уж! Ты бы лучше шла обслуживать её. Я получу всё нужное мне самое меньшее через пару дней. – Он сел и взял в руки свой блокнот. Она отвернулась.

– Погоди минутку, Манелла!

Она подчинилась.

– Золотые волосы, говоришь?

Она кивнула.

– Молодая или пожилая?

– Трудно сказать, – и Манелла мечтательно поглядела на темнеющее небо. – Сегодня нет пожилых людей, или это мне так кажется.

– Она больна?

– Не думаю. Выглядит она вполне здоровой. Приехала в «Плазу» только вчера.

– Что ж! доброй ночи, Манелла! И если ты хочешь узнать обо мне больше, то я скажу тебе вот что: нет ничего в мире, что я так сильно ненавижу бы, как женщину с золотыми волосами! Вот так!

Она поглядела на него, удивлённая таким жестоким тоном. Он поднял вверх палец:

– Факт! – сказал он. – Факт, как гвоздь! Женщина с золотыми волосами – это демон, ведьма, зло и проклятие! Так всегда было и будет! Доброй ночи!

Но Манелла в задумчивости остановилась.

– Она похожа на ведьму, – проговорила она медленно. – На одну из тех, что рисуют на сказочных картинках, – низенькая и светлая. Очень маленькая – я бы могла унести её на руках!

– На твоём месте я бы не стал пытаться, – отвечал он с видимым нетерпением. – Уходи прочь! Доброй ночи!

Она бросила на него один долгий взгляд, потом, резко повернувшись, схватила свой пустой бидон и бросилась бежать вниз по холму.

Покинутый ею мужчина издал глубокий и длинный вздох, выражавший огромное облегчение. Быстро наступал вечер, и пурпурная тьма окутала его своим тёплым, плотным мраком. Он сидел, задумавшись, глаза смотрели на восток, где последние очертания огромного дневного облака утаскивали за собой через пространство прозрачные нити пушистого чёрного цвета. Его фигура, казалось, постепенно растаяла в наступившей ночи, так что почти стала её частью, и тишина вокруг внушала некий страх своей неощутимой тяжестью. Можно было подумать, что посреди такого крайнего одиночества человеческий дух подсознательно потянется к движению, к какой-то деятельности, чтобы стряхнуть с себя коварную подавленность, которая пробиралась в воздухе, как ползущая тень, но одинокое существо, сидевшее словно арийский идол с руками на коленях и опущенным вперёд лицом, не имело намерения шевелиться. Его ум работал, и он полубессознательно высказывал свои мысли вслух:

– Неужели мы снова возвратились на то же место? – сказал он, словно вопрошая какого-то невидимого собеседника. – Должны ли мы воскликнуть «привал!» в миллионный раз? Или

мы можем идти вперёд? Смеем ли мы? Если мы в самом деле раскроем тайну, закутанную как мельчайшие частички ядра электрона, то что тогда? Будет ли это хорошо или плохо? Сочтём ли мы стоящим продолжать жить здесь, ничего не делая? Когда ничто не способно озадачить нас или заставить трудиться? Без болезней будем ли мы ценить здоровье? Без печали поймём ли радость?

Внезапная белизна растеклась по тёмному ландшафту, и полная луна прыгнула к краю удалявшегося облака. Её восход был скрыт в плывущем пушистом чёрном тумане, и её серебро засияло, проникая сквозь тьму, сверкая над землёй с удивительной резкостью. Мужчина поднял глаза.

– Можно подумать, что это для усиления эффекта! – сказал он вслух. – Если бы луна была богиней Синтией, возлюбленной Эндимиона, то, как женщина и божество в порыве тщеславия, она, конечно, точно так и сделала бы для эффектности! Но как обстоят дела...

Здесь он замолчал – инстинктивное чувство предупредило его о том, что кто-то за ним наблюдал, и он быстро повернул голову. На склоне холма, где прежде стояла Манелла, теперь находилась фигура, белая, как сам лунный свет, изящно очерченная на тёмном фоне. Она, казалось, балансировала над землёй, как только что легко спустившаяся с неба птица; в неподвижном воздухе её одежды казались сплошными складками, обёрнутыми вокруг неё, как лепестки нераскрытого цветка магнолии. Когда он смотрел, она, скользя, приблизилась к нему по воздуху с лёгкостью воздушного пузыря, и сильное сияние огромной луны высветило лицо женщины, бледное в лунном свете; и она остановилась в волнах волос, которые развивались назад и спадали свободными волнистыми локонами, как сияющая змея, постепенно теряясь в складках завесы тумана. Он поднялся, чтобы встретить приближавшийся призрак.

– Сплошные эффекты! – сказал он. – Прекрасно придуманные и весьма стоящие тебя! Всё ради эффектности!

Глава 2

Смех, звонкий и холодный, как колокольчик морозной ночью, прозвучал в тишине.

– Почему ты убегаешь от меня?

Он ответил сразу и резко:

– Потому что я устал от тебя!

Она снова рассмеялась. Станный белый эльф, каким она казалась в лучах лунного света, при этом она была женщиной до мозга костей, и презрительное движение её маленькой поднятой головки ясно выражало её крайнее безразличие к этому ответу.

– Я последовала за тобой, – сказала она. – Я знала, что должна найти тебя! Что ты делаешь здесь, наверну? Притворяешься больным?

– Именно! «Притворство» – мой конёк, так же как и твой. Мне приходится притворяться, чтобы быть настоящим.

– Парадоксально, как всегда! – пожала она плечами. – Так или иначе, ты выбрал отличное убежище. Здесь, наверну, так красиво – гораздо лучше, чем в «Плазе».

– Автомобили и всё такое! – сказал он насмешливо. – А сколько слуг? Сколько коробок со сколькими платьями?

Она снова рассмеялась.

– Это не твоё дело! – отвечала она. – Я сама себе хозяйка.

– Тем более жаль! – парировал он.

Они стояли лицом к лицу. Луна теперь высоко висела в небе, излучая яркий дождь серебра на всю видимую ширь дикой страны, и две их фигуры казались просто тёмными силуэтами, наполовину утопавшими в жемчужном блеске.

– Стоило преодолеть все эти длинные мили, чтобы увидеть это! – заявила она, раскидывая руки в восхищённом жесте. – Ох, прекрасная большая луна Калифорнии! Я рада, что приехала!

Он молчал.

– А ты не рад! – продолжила она. – Ты, увалень в бегах, и луна тебе ни о чём не говорит!

– Не говорит, потому что *ничего* говорить, – ответил он нетерпеливо. – Эта мёртвая, бессердечная планета – простая раковина от потухших вулканов, где когда-то бушевало пламя, а её свет – не что иное, как отражение солнца на её выжженной поверхности. Как и ты!

Она сделала ему широкий реверанс, столь изысканный, что это действие больше всего напомнило покачивание лилии на лёгком ветерке.

– Спасибо, благородный рыцарь! Цвет воинства! – сказала она. – Вижу, что ты любишь меня, несмотря на твои слова!

Он сделал быстрый шаг к ней, затем замер.

– Люблю тебя! – повторил он эхом, а затем громко и презрительно рассмеялся. – Господь всемогущий! Люблю тебя? *Тебя*? Если так, то я был бы сумасшедшим! Когда же ты поймёшь меня? Что женщины ничего не значат для меня? Что они не властны пробудить хоть малую искорку страсти или желания во мне? И что из всех женщин ты представляешься мне самой...

– Ненавистой? – предположила она с улыбкой.

– Нет, самой исключительно скучной!

– Кошмарно! – и она скорчила рожицу непослушной девчонки, затем, слегка наклонившись, она опустилась на пропечённый солнцем дёрн. – Несомненно, намного хуже быть скучной, чем ненавистой. Ненависть – весьма живое чувство, кроме того, она всегда означает, или должна означать, любовь! Нельзя ненавидеть того, кто тебе безразличен, но, конечно, он *может* наскучить! *Тебе* со мной скучно, а мне – с *тобой*! И мы друг другу совершенно безразличны! Комедия, не правда ли?

Он стоял, спокойный и мрачный, глядя вниз, на фигуру, что отдыхала на земле у его ног, её белые одежды собрались вокруг неё, словно имели разум и осознавали, что должны поддерживать классическую красоту в каждом сгибе.

– Скука – это проблема, – продолжила она, – никто не может её избежать. Даже младенцы сегодня скучают. Все мы слишком много знаем. Люди раньше были счастливыми, потому что были невежественными, – они понятия не имели, зачем родились или зачем пришли в этот мир. Теперь они узнали ужасную правду о том, что они здесь, как деревья и цветы, для того только, чтобы посеять другие деревья и цветы, а затем бесцельно исчезнуть. Они разочарованы. Они говорят «какая польза»? Бороться со столькими трудностями и работать ради народов, которые придут после нас, которых мы никогда не увидим, – это кажется совершенно глупым и бессмысленным. Раньше они верили в последующую жизнь, но эту надежду из них выбили. Кроме того, остаётся открытым вопрос о том, хотел ли бы кто-то из нас возродиться. Вероятно, это была бы сплошная скука. Поистине, ничего не остаётся. Вот почему многие из нас столь опрометчивы – просто, чтобы избежать скуки.

Он слушал в холодном молчании и после небольшой паузы сказал:

– Ты закончила?

Она взглянула на него вверх. Лунный свет зажгёт ледяные искры в её глазах.

– Закончила ли я? – откликнулась она эхом. – Нет, не совсем! Я люблю поболтать, и для меня в новинку поговорить с женщиной в рубашке на калифорнийском холме в лучах лунного света! Так дико и живописно, знаешь ли! Все мужчины, которых я встречала, были разряжены в пух и прах! Ты уже ужинал?

– Я никогда не ужинаю, – был ответ.

– Правда! Ты разве вообще не пьёшь и не ешь?

– Я живу просто, – сказал он. – Хлеба и молока мне достаточно, и они у меня есть.

Она рассмеялась и захлопала в ладоши.

– Как ребёнок! – воскликнула она. – Большой бородатый ребёнок! Это слишком восхитительно! И всё это ты делаешь только для того, чтобы *от меня* сбежать! Какой комплимент!

В порыве гнева он нагнулся к ней и сжал её руки.

– Вставай! – сказал он резко. – Не валяйся тут, как падший ангел!

Она подчинилась его властному захвату, когда он поднял её на ноги, затем поглядела на него с тем же смехом.

– Грубая сила! – сказала она. – Так?

Он всё ещё сжимал её руки и теперь яростно дёрнул их.

– Не надо! Ты забыл, что на мне кольца, мне больно!

Он сразу же ослабил хватку и угрюмо уставился на её маленькие пальчики, на которых три первосортных бриллиантовых кольца сверкали, словно капли росы.

– Твои кольца! – сказал он. – Да, я забыл. Чудесные кольца – символы твоего необычайного тщеславия и пошлого богатства. Я забыл! Как сверкают они в ярком лунном свете! Лишь чудное преломление выброшенного природой мусора, превращённого в драгоценности для женщин! Необычайное таинство чудных элементов! Вот! – И он выпустил её руки. – Они невинны, как и ты!

Она молчала, закусив нижнюю губу, как избалованный ребёнок, и потирая один пальчик, кольцо на котором вдавилось в её плоть.

– Так значит, ты думаешь, что я приехал сюда, чтобы сбежать от *тебя*? – продолжил он. – Что ж, на этот раз твоё невообразимое тщеславие тебя обмануло. Ты мнишь себя столь важной персоной, но ты для меня ничто и даже ещё меньше того; я о тебе даже не вспоминал; я прибыл сюда, чтобы учиться, чтобы сбежать от сумасшедшего шума современной жизни, от стремительного мельтешения нынешних людей туда-сюда; я хотел найти решения определённых проблем, которые смогут изменить мир и, конечно, саму жизнь...

– Зачем её изменять? – прервала она его. – Кто хочет изменить этот мир? Мы прекрасно себя чувствуем и так; это земля рождения и земля смерти – вот и всё! – Она по-французски пожала плечами и выразительно взмахнула руками. Затем отбросила назад свои струящиеся волосы – лунный свет заиграл в них, как в воде, покрыв серебряной сетью их золото.

– Зачем ты пришла сюда? – грубо спросил он.

– Увидеть тебя! – отвечала она с улыбкой. – И сказать, что я встала «на тропу войны», как говорится, снимая скальпы по пути. Это значит, что я отправляюсь в путешествие – вероятно, поеду в Европу...

– Подцепить разорившегося дворянина! – предположил он.

Она рассмеялась.

– Боже, нет! Никаких подобных дурачеств! Ни дворяне, ни банкроты меня не привлекают. Нет! Я провожу научное «изыскание», как и ты. Верю, что мне удалось кое-что открыть, чем я могла бы уничтожить тебя вот так! – И она изобразила пальцами круглый ноль и дунула сквозь него. – Одним вздохом! И даже на расстоянии – вуаля! – и увалень на калифорнийских холмах, который питается хлебом с молоком, испарился! Фокус полного исчезновения – такого больше нигде нет!

Увалень, как она его назвала, с недовольным видом нахмурился.

– Ты бы лучше бросила эти штучки! – гневно сказал он. – Женщины не имеют ничего общего с наукой.

– Нет, конечно же, нет! – согласилась она. – Только не по мнению мужчин. Вот почему они никогда не упоминают о мадам Кюри без этого бедного монсеньора. *Она* открыла радий, а не он, но всегда в первую очередь вспоминают его.

Он сделал нетерпеливый жест.

– Хватит об этом! – сказал он. – Ты знаешь, что уже почти десять вечера? Полагаю, что да, а вот люди в «Плазе»...

– *Они* знают! – перебила она его с многозначительным кивком. – Они знают, что я богата, богата, богата! Неважно, чем я занимаюсь, потому что я богата! Я могла бы провести всю ночь с увальнем, и никто и слова против меня не сказал бы, потому что я богата! Я могла бы усесться на крышу «Плазы» и болтать ногами над окнами гостей, и это назвали бы «очаровательным», потому что я богата! Я могла бы появиться за ужином в банном халате и есть горох заколкой для волос, если бы захотела, – и моим поведением стали бы восхищаться, потому что я богата! Когда я приеду в Европу, то мои фотографии будут во всех лондонских иллюстрированных журналах с ухмыляющимся хором девиц, потому что я богата! Я меня назовут «прекрасной», «изысканной», «очаровательной» все немые дешёвые журналисты, потому что я богата! Ох! – И она скорчила комическое выражение рта и глазами. – Очень весело быть богатой, если знаешь, что делать со своими богатствами!

– А ты знаешь? – спросил он насмешливо.

– Думаю, да! – Тут она склонила головку набок, как задумчивая птичка, и её чудесные волосы легли на одну сторону золотым крылом. – Я развлекаюсь, как только могу. Я научилась всему, что можно вытворять с жадным, глупым человечеством при помощи огромных сумм наличных! Я бы, – здесь она помолчала и с неожиданной кошачьей нежностью движений приблизилась к нему, – я бы вышла *за тебя* замуж! Если бы ты пожелал! Я бы предоставила тебе все свои деньги для забав, ты бы получил, что пожелал бы для твоих изобретений и экспериментов, и я бы тебе помогала; и тогда – тогда ты бы взорвал этот мир и меня вместе с ним, пока позволял бы мне любоваться этим великолепным зрелищем! И я вышла бы за тебя не по любви, имей в виду! А только из любопытства!

Он отступил от неё на пару шагов, блеск белых зубов под его тёмными усами и бородой изобразил на его лице скорее оскал, чем улыбку.

– Из любопытства! – повторила она, протягивая руку и касаясь его. – Чтобы узнать, что такое представляет собой такая вещь, как мужчина! Я всё для тебя делала, не так ли? Для неотёсанного, каким ты всегда был и есть! Я всё делала! И весь Вашингтон считал, что дело уже решено! Почему бы тебе не сделать того, что от тебя ожидал весь Вашингтон?

Лунный свет падал прямо на её приподнятое лицо. Это было удивительное лицо – не прекрасное, в соответствии с однообразным представлением пресс-камеры, но излучавшее такой свет дерзкого разума, который делал саму по себе красоту дешёвкой и ничтожеством в сравнении с его сияющим воодушевлением. Он отодвинулся от неё ещё на шаг и стряхнул её руку.

– Почему не сделать? – повторила она мягко; затем с неожиданным смехом она сложила ладони и подняла их словно в молитве: – Почему он не сделает? О, великая луна Калифорнии, почему? О, языческие боги и богини, фавны и чародеи, ответьте мне почему?

Он одарил её исполненным презрения взглядом.

– Тебе бы на сцене играть! – сказал он.

– «Весь мир театр», – процитировала она, позволив рукам лениво упасть по бокам. – А наш – истинная комедия! Бедный Шекспир! Он и вообразить не мог таких персонажей, как мы с тобой! Ну а теперь представь, что ты удовлетворил бы ожидания всего Вашингтона и женился бы на мне, тогда, конечно, мы бы смертельно наскучили друг другу, однако с кучей денег мы смогли бы разбежаться кто куда, сегодня все так делают!

– Да, все так делают! – повторил он механически.

– Они не любят, знаешь ли! – продолжила она. – Любовь слишком скучна. Ты бы и *сам* нашёл её таковой!

– В самом деле! – сказал он, внезапно оживившись. – Это стало бы хуже любой пытки! Быть любимым, чтобы за мной следили, и стерегли, и нянчились, и целовали!..

– О, вряд ли какая женщина захочет тебя поцеловать! – вскричала она. – Никогда! Это было бы слишком с её стороны!

И она залиvisto рассмеялась, словно весёлый жаворонок на заре. Он злобно уставился на неё, движимый неистовой жадой схватить и скинуть её вниз с холма, как мешок с мусором.

– Чтобы поцеловать тебя, – сказала она, – нужно надеть на губы щит, словно намереваясь целовать охапку крапивы! Нет-нет! Мой ротик слишком красивый, мягкий и розовый! Мне бы не хотелось испортить его, оцарапав о твой, так что я не стану этого делать!

– Слава Богу! – истово произнёс он.

– И не волнуйся, – продолжила она легкомысленно, – в «Плазе» я надолго не задержусь.

– Ещё раз слава Богу!

– Я бы слишком соскучилась, особенно потому, что я не притворяюсь болящей, как ты. Кроме того, у меня есть дела! Чудесные дела! И я не думаю, что их можно совершить в одиночестве, как отшельник. Человечество – мой котёл! Доброй ночи!

Он остановил её порыв быстрым повелительным жестом.

– Постой! Прежде чем ты уйдешь, я хочу, чтобы ты узнала кое-какие мои мысли...

– Это необходимо?

– Думаю, да. Это избавит тебя от всех намерений увидеть меня вновь и станет облегчением для меня, если не для тебя. Слушай! И взгляни на себя *моими* глазами...

– Слишком сложно! – заявила она. – Я могу глядеть на вещи твоими глазами не более, чем ты – моими!

– Мадам...

Она выдохнула слабый смешок: «Ох!», и закрыла руками уши.

– Никаких «мадам», ради Бога! – вскричала она. – Звучит так, будто я королева или портниха!

В его мрачных глазах не было улыбки.

– Как же мне к тебе обращаться? – спросил он. – Женщину с таким богатством и независимостью, как у тебя, едва ли назовёшь «мисс», словно она под родительским присмотром.

– Нет, я полагаю! Есть старое английское слово «владычица» – такое странное и милое, тебе не кажется?

«Владычица моя, ну где ты бродишь?

Останься и послушай песнь мою...»

Она пропела две строки восхитительно проникновенным голосом, исполненным юности и нежности. Одним быстрым шагом он подскочил к ней и поймал её за плечи.

– Бог мой, я мог бы встряхнуть из тебя жизнь! – яростно вскричал он. – Удивляюсь, что ты меня не боишься!

Она рассмеялась, не обращая внимания на его хватку.

– А с чего бы? Ты не смог бы убить меня, даже если бы и попытался, а если бы и мог...

– Если бы я мог – ах, если бы я мог!

– Что же, тогда ещё одно убийство пополнило бы общую сумму убийств в мире! – сказала она. – Вот и всё! Оно того не стоит!

Он продолжал держать её.

– Послушай! – сказал он. – Ты просто испорченный ребёнок одного из величайших финансовых мошенников Нью-Йорка. Ты осталась одна с состоянием, столь огромным, что это почти неприлично; ты мнишь себя какой-то сверхъестественной женщиной – изображаешь из себя Клеопатру, ты убеждена, что можешь увлечь собой любого мужчину, но только твои деньги их привлекают, а не ты! Ты что этого не видишь? Или слишком тщеславная, чтобы увидеть? У тебя нет к ним милосердия – ты заставляешь их верить, что тебе есть до них дело, а потом бросаешь, как пустые скорлупки! Вот какая ты! Но меня тебе никогда не удавалось одурачить и никогда не удастся!

Он выпустил её столь же внезапно, как до этого схватил; она поправила белые складки своих одежд на плечах со статным изяществом и подняла голову, улыбаясь.

– Пустые скорлупки – отличное определение для мужчин, которые волокутся за женщиной ради денег, – ровно заметила она, – и вполне естественно, что женщина выбрасывает их через плечо. Я никогда тебя не дурачила, но ты сам себя дурачишь сейчас, только не знаешь об этом. Но довольно! Закончим на этом! Мне нравится романтика этой ситуации: ты – в рубашке на калифорнийском холме, и я – в шелках и бриллиантах нанесла тебе визит под светом луны – поистине, очаровательный роман! Но он не может длиться вечно! Я – одна из обрывков на ветру. Я не помощник этой расе, прости Господи! Эта раса – слишком глупая и несчастная, чтобы заслужить долгую жизнь. Для неё уже было сделано всё возможное, снова и снова, от начала и до конца, а теперь – теперь! – Она замолчала, и само презрение её тона породило в его сердце нечто вроде страха.

Она подняла одну руку и указала вверх. Её лицо показалось в лунном свете ещё более строгим и почти прозрачным в своих очертаниях.

– Теперь всё изменится! – отвечала она. – Изменится так, что все вещи будут созданы заново!

Тишина последовала за её словами – странная тяжёлая тишина.

Её нарушил её голос, снизошедший до крайней мягкости и всё же отчётливо различимый.

– До свиданья! До свиданья!

Он нетерпеливо отвернулся в сторону, чтобы избежать дальнейших прощаний, потом, под действием внезапного порыва, его настроение изменилось.

– Моргана!

Этот зов отозвался эхом в пустоте. Она исчезла. Он позвал снова – длинное эхо странного имени прозвучало как «Мор-га-а-на», как дрожащий звук на струне скрипки мог бы звучать в конце музыкальной фразы. Ответа не было. Он стоял, как того и желал, в одиночестве.

Глава 3

– Она покинула Нью-Йорк несколько недель назад, ты что, не знал об этом? Чёрт меня подери! Я думала, что эта новость потрясла всех!

Говорившая, молодая женщина, модно одетая и сидевшая в кресле-качалке любимого летнего отеля в Лонг-Айленд, подняла глаза и выразительно пожала плечами, когда высказала эти слова мужчине, стоявшему около неё с газетой в руке. Это был очень негибкий, прямой персонаж с волосами стального серого цвета и достаточно жёсткими чертами лица, чтобы можно было предположить, будто они вырезаны из дерева.

– Нет, я этого не знал, – сказал он, произнося слова в преднамеренно отчётливой манере, свойственной определённому типу американцев. – Если бы я знал, то предпринял бы шаги, чтобы это предотвратить.

– Ты не можешь предпринимать шагов, чтобы предотвратить что-либо из того, что Морган Роял решает сделать! – заявила его компаньонка. – Она сама себе закон, и никто ей не указ. Я догадываюсь, что ты не смог бы её остановить, мистер Сэм Гвент!

Мистер Сэм Гвент позволил себе улыбнуться. Это была улыбка, которая лишь немного затронула уголки его губ, добродушная в ней не было.

– Вероятно, нет! – ответил он. – Но мне следовало попытаться! Мне, конечно, нужно было указать ей на всю глупость предпринятой авантюры.

– Ты знаешь, что это за авантюра?

Он помолчал, прежде чем ответить.

– Едва ли! Но у меня есть предположение!

– Неужели? Тогда, признаюсь, ты умнее меня!

– Это серьёзный комплимент! Но даже мисс Лидия Герберт, блестящая светская львица, всего не знает!

– Не совсем! – отвечала она, подавив крошечный зевок. – И ты тоже! Но мне известно большинство значительных вещей. Есть много такого, чего лучше не знать никому. Главная цель жизни сегодня – это иметь горы денег и знать, как их тратить. Это как раз о Моргане.

Мистер Сэм Гвент сложил свою газету в аккуратный свёрток и убрал в карман.

– У неё слишком много денег, – сказал он, – и по-моему она не умеет их тратить правильным женским образом. Она забросила многие общественные обязанности в то время, когда ей следовало бы остаться...

Мисс Герберт при этом широко распахнула карие, довольно высокомерные глаза и рассмеялась.

– Разве это имеет значение? – спросила она. – Старик завещал ей наследство «безусловно и безоговорочно» без каких-либо указаний по поводу общественного долга. И я не думаю, что у тебя есть над ней хоть какая-то власть, не так ли? Или ты вдруг превратился в доверенное лицо?

Он оглядел её с неким восхищённым сарказмом.

– Нет. Я всего лишь дядя, – сказал он. – Дядя мальчишки, который застрелился этим утром из-за неё!

Мисс Герберт издала пронзительный вскрик. Она была ужасно напугана.

– Что? Джек? Застрелился? О, как это чудовищно! Я... мне жаль!

– Не жаль! – парировал Гвент. – Так что не претворяйся. Сегодня никому никого не жаль. Некогда! И желания нет. Джек всегда был дураком – возможно, он сделал лучшее, что мог. Я только что видел его мёртвым. Таким он выглядит лучше, чем когда был жив.

Она выпрыгнула из кресла-качалки в порыве возмущения.

– Ты жесток! – воскликнула она, наполовину рыдая. – Положительно жесток!

– Не совсем! – отвечал он спокойно. – Только банален. Это вы – современные женщины жестоки, а не мы – отстающие от вас мужчины. Джек был глупцом, говорю я, в своей игре он всё поставил на Моргану Роял – и проиграл. Это стало последней каплей. Если бы ему удалось жениться на ней, то он смог бы стократно покрыть все свои долги, на что он и надеялся. Разочарование было для него слишком велико.

– Но разве он её не любил? – Лидия Герберт задала этот вопрос почти утвердительным тоном.

Мистер Сэм Гвент насмешливо вздёрнул брови.

– Полагаю, ты приехала из средневековья? – заметил он. – Что такое любовь? Ты знаешь женщину-миллионершу, которая была бы «любима»? Ни черта подобного! Любят только её *деньги*, а не её саму. Она – только обуза к ним в придачу.

– Тогда... тогда ты хочешь сказать, что Джек только из-за денег?..

– А из-за чего же ещё? Из-за бабы? В наше время существуют тысячи женщин, готовых отдаться по первой же просьбе, которые сами кидаются на ложе без всяких колебаний или стеснений! А в просьбе Джека никогда не отказывала ни одна из них. Но миллионы Морганы Роял получаешь не каждый день!

Тонкие губы мисс Герберт сжались в одну прямую линию, она смахнула несколько скудных слезинок с глаз платочком, тонким как паутинка и нежно надушенным, и молча стояла, глядя с веранды на окружающий вид.

– Видишь ли, – настаивал Гвент своим холодным, вкрадчивым тоном, – Джек был разорён. И он почти разорил и *меня*. Сам он теперь устранился с траектории пистолетного выстрела и оставил мне только траурную музыку по себе. Моргану Роял была его единственным шансом. Она его провела, она точно его провела. Он-то думал, что заполучил её, в то время как именно когда он уже собирался пригвоздить бабочку к бархату, – она и упорхнула прочь!

– Умная бабочка! – заметила мисс Герберт.

– Может да, а может быть, и нет. Увидим. В любом случае, с Джеком всё кончено.

– И, я полагаю, поэтому, как ты говоришь, Моргану сбежала от своих общественных обязанностей?

Гвент смотрел на неё с нерушимым спокойствием.

– Нет. Не совсем, – ответил он. – Я считаю, что она ничего не знала о его намерении. Хотя, не думаю, чтобы она попыталась изменить его, если бы и знала.

Мисс Герберт всё ещё смотрела на панораму.

– Что ж, мне уже не так жаль его после твоих слов о том, что он сделал это из-за денег, – сказала она. – Я была о нём лучшего мнения...

– Ты снова говоришь, как в средние века, – перебил её Гвент. – Кому нужны сегодня добрые люди? Цель жизни – *жить*, не так ли? И «жить» означает получать всё возможное для собственного удовольствия и выгоды, стать Номером Первым! И пусть весь мир делает что хочет. Это как раз твой стиль, хоть ты и притворяешься, что нет!

– Ты не очень-то вежлив, – сказала она.

– А с чего мне быть вежливым? – сварливым тоном заметил он. – Кому нужна вежливость, если только в ней нет выгоды для себя? Я никогда не прибегаю к лести и никогда не бываю вежлив. Я просто знаю, как это бывает: ты не получила тех денег, на которые рассчитывала, и теперь ищешь того, у кого они *есть*. Затем выйдешь за него, если удастся. Ты, как женщина, делаешь то же самое, что и Джек сделал, будучи мужчиной. Но если ты проиграешь, то не думаю, что ты покончишь с собой. Ты для этого слишком уравновешенная. И полагаю, что ты преуспеешь в своих притязаниях. Если будешь осторожной!

– Если буду осторожной? – откликнулась она вопросительным эхом.

– Да, если хочешь заполучить миллионера. Особенно, старого негодяя, за которым ты бегаешь. Не одевайся слишком «кричаще». Не выставляй напоказ свою попку – оставь что-

нибудь и для его воображения. Не размалёвывай личико, а оставь как есть. И будь, или притворись, весьма сочувствующей народу. Это сработает!

– На этом закончим первый урок! – сказала она. – Спасибо, пастор Гвент! Думаю, я прислушаюсь!

– Полагаю, что да! Хотел бы я быть уверен в чём-либо ещё так же твёрдо, как *в этом*!

Она молчала. Уголки её рта слегка дрогнули, будто она пыталась выдавить улыбку. Она пристально смотрела на своего собеседника – как он достал сигару из коробки и зажёг её.

– Мне нужно идти и всё уладить с похоронами, – сказал он. – Джека больше нет, и нужно прибрать его останки. Это моя забота. Как раз теперь его мать рыдает над ним, а я этого не выношу. Это выводит меня из себя.

– У тебя вообще есть сердце? – спросила она.

– Думаю, да. Раньше было. Но не сердце – оно только пульсирующая мышца. Я прихожу к выводу, что это скорее голова.

Он выпустил два-три колечка дыма в чистый воздух.

– Ты знаешь, куда она уехала? – вдруг спросил он.

– Моргана?

– Да.

Лидия Герберт замешкалась.

– Думаю, что знаю, – ответила она наконец, – но я не уверена.

– Ну а я уверен, – сказал Гвент. – Она помчалась за особенной добычей, которая ускользнула от неё – за Роджером Ситоном. Он уехал в Калифорнию месяц назад.

– Значит, она в Калифорнии?

– Конечно!

Мистер Гвент сделал ещё одну затяжку.

– Ты, должно быть, была в Вашингтоне, когда все считали, что он и она собираются пожениться, – продолжил он. – Ни о чём другом тогда просто не говорили!

Она кивнула.

– Знаю! Я там была. Но мужчине, посвятившему свою душу науке, не нужна жена.

– А как насчёт женщины, которая посвятила свою душу самой себе?

Она пожала плечами.

– О, ерунда это всё! Моргана – не научный работник, она даже не студентка. Она только воображает, что может что-то сделать. Но это не так.

– Что ж! Я не уверен! – и Гвент принял вид сплетника. – Ей как-то удаётся по-умному уладить все проблемы, пока все остальные о них только болтают.

– Только для личного удовлетворения, – иронично заметила мисс Герберт. – Ясное дело, что не для кого-то ещё! Она несёт дикую чушь об овладении миром! Представь себе! Мир под контролем Морганы! – Она нетерпеливо тряхнула юбкой. – Я ненавижу подобных таинственных, философствующих женщин, а ты? Былые времена мне нравились намного больше! Когда нас окружала поэзия, и романтика, и прекрасный идеализм! Когда могли бы существовать Данте и Беатриче!

Гвент кисло улыбнулся.

– Они *никогда* не могли бы существовать, – парировал он. – Данте, как и все поэты, был очередным обманщиком. Вешал свою лапшу на уши всем подряд – от девятилетнего ребёнка до восемнадцатилетней девицы. Глупейшая книга из всех когда-либо написанных эта его «Новая Жизнь»! Я однажды читал и чуть не заболел от неё. Думать обо всей этой болтовне про Беатриче, которая «отказала ему в спасительном своём приветствии»! Что некое создание, претендующее на звание мужчины, способно молоть чушь в таком стиле, – просто выводит меня из себя!

– Это совершенная красота! – заявила мисс Герберт. – У тебя нет любви к литературе, Гвент!

– У меня нет любви к обману, – ответил он. – Это правда! Думаю, что знаю разницу между трагедией и комедией, даже когда вижу их вместе, – он стряхнул длинный пепел с сигары. – Этим утром я уже посмотрел небольшую комедию с тобой – теперь иду смотреть трагедию! Я скажу тебе, что на лице Джека написано больше, чем у всего Данте!

– Трагедия проигранной денежной авантюры! – сказала она, с презрением вздёрнув брови.

Он кивнул.

– Так и есть! Это больше расстраивает умственное спокойствие человека, чем проигранная любовная партия!

И он ушёл.

Лидия Герберт осталась одна, бесцельно играя с листьями винограда, что карабкался по высоким деревянным колоннам веранды, на которой она стояла, и восхищаясь блеском бриллиантового браслета, который сиял на её худом запястье тонким ободком из капель росы. То и дело она вглядывалась в далёкое море, которое играло бликами в лучах палящего солнца, и позволила своим мыслям переключиться с себя самой и своих элегантных одежд на некоторые общественные события, в которых она принимала участие в течение последних двух месяцев. Она припомнила великолепный бал, устроенный Морганой Роял в её королевском дворце, где собрались вместе все модные и легкомысленные представители знаменитых «Четырёхсот богатейших семейств страны» и когда единственной темой для сплетен была вероятность брака между одной из богатейших женщин мира и бедно одетым учёным без единого пенни за душой, не считая того, что он зарабатывал с огромным трудом. Сама Морганна разыгрывала таинственность. Она смеялась, качала головой и демонстрировала свою изящно наряженную персону толпе гостей, со всей летящей грацией своего волшебного образа в белых складках, обшитых бриллиантами; однако она не подавала ни единого намёка на особое расположение или отношение ни к одному мужчине, даже к Роджеру Ситону, сомнительному учёному, который стоял в стороне от танцевавшей толпы с видом хмурого презрения, больше походивший на лесного зверя, наблюдавшего за последними прыжками добычи, которую он намеревался пожрать. Он воспользовался первым же удобным случаем, чтобы улизнуть, и, когда он так и не возвратился, мисс Герберт поинтересовалась у хозяйки бала о том, что же с ним случилось? Морганна, с прелестно вспыхнувшими щеками после только что оконченного танца, улыбнулась этому вопросу.

– Откуда мне знать? – отвечала она. – Я же не его сиделка!

– Но... но вам же он нравится? – предположила Лидия.

– Нравится? О да! Кому не понравится мужчина, который заявляет, что он способен уничтожить полмира, если захочет! Он кажется неким божеством, знаете ли! Юпитером с его молниями в образе человека в плохо пошитом современном костюме! Не забавно ли это! – Она слегка рассмеялась. – И каждый в этой комнате сегодня думает, что я собираюсь за него замуж!

– А вы не собираетесь?

– Как вы себе это представляете? Я замужем? Лидия, Лидия, вы что, принимаете меня за дуру? – Она снова рассмеялась, а затем вдруг посерьёзнела. – Подумать только, воображают меня, отдающей свою жизнь в руки учёного волшебника, который, если захотел бы, то смог бы уменьшить меня до маленькой кучки пыли за две минуты! Благодарю покорно! Моральное давление на женщин со стороны мужчин в последнее время итак было немалым – и я не собираюсь пополнить собою список его жертв!

– Значит, он вам не нравится? – настаивала Лидия, движимая внутренним любопытством, а также смутным удивлением тому странному блеску фигуры и глаз, который придавал Морганне красоту, производимую не одной лишь внешностью. – Вы с ним не обречены?

Моргана подняла вверх палец.

– Послушайте! – сказала она. – Разве этот вальс не прекрасен? Не кажется ли вам, что эта музыка витает вокруг и связывает всех нас в одну гирлянду мелодии? Насколько она выше, выше всех этих вращающихся человеческих микробов! Настолько же, насколько небеса отстоят от земли! Если бы мы могли поистине подчиниться зову этой музыки, то нам бы следовало расправить крылья и взлететь к столь чудесным мирам! Но, как обстоят дела, мы способны лишь скакать по кругу, как мошकारа на солнце, и воображать, что наслаждаемся собой, в течение часа или двух! Но музыка значит намного больше! – Она остановилась, отвлёкшись, затем более спокойным тоном продолжила: – И вы полагаете, я могу выйти замуж? Я бы не вышла и за императора, если бы был хоть один достойный, а его нет! А что касается Роджера Ситона, я с ним, конечно же, не обручена, как вы столь галантно заметили! И он не обручён со мной. Мы оба «обручены» с чем-то иным.

Она стояла рядом с раскрытым окном во время разговора и взглянула на тёмное пурпурное небо, усыпанное звёздами. Она продолжила неспешно и с расстановкой:

– Я могла бы, вероятно, могла бы помочь ему в этом чём-то ином, если бы он не открыл нечто большее!

Она подняла руки в повелительном движении, словно бессознательно, затем позволила им упасть по бокам. Лидия Герберт озадаченно смотрела на неё.

– Вы говорите так странно!

Моргана улыбнулась.

– Да, знаю! – кивнула она. – Я, как говорят старые шотландки, фея! Вы знаете, что я была рождена далеко отсюда, на Гебридских островах; мой отец одно время был бедным пастухом овец, до того как переехал в Штаты. Я была ещё ребёнком, когда меня увезли с островов туманов и дождей, но по своему рождению я была феей.

– Что такое «фея»? – перебила её мисс Герберт.

– Это просто то, чем все остальные не являются, – ответила Моргана. – Народ Фей – магический народ; он видит то, что другим недоступно, слышит голоса, которых никто больше не слышит, – голоса, которые нащёптывают ему тайны и рассказывают о чудесах, ещё непознанных, – она внезапно замолчала. – Не нужно нам говорить здесь об этом, – продолжила она. – Народ скажет, что мы здесь придумываем платя для подружек невесты и что сам день свадьбы уже назначен! Но можете быть уверенной, что я ни за кого не собираюсь выходить замуж, и меньше всего – за Роджера Ситона!

– Всё же он вам нравится! Я вижу это!

– Конечно, он мне нравится! Он – человек-магнит, он «притягивает»! Ты приклеиваешься к нему, как если бы он был сургучом, а ты – листом бумаги! Но очень скоро ты отлипнешь! О, этот вальс! Разве он не очарователен!

И, легко закружившись, словно колокольчик на ветерке, она отдалась танцу и испарилась в гуще её гостей.

Лидия Герберт теперь припомнила этот разговор, когда стояла, глядя вниз, на море, с крытой веранды её отеля, и снова увидела, словно в грёзах, лицо и глаза её подруги-«феи» – лицо, вовсе не красивое внешне, но исполненное сверкающего притяжения, которому почти невозможно было сопротивляться.

– В ней ничего нет! – дружно заявило нью-йоркское общество. – Кроме её денег! И волос, но не прежде, чем она их распустит!

Лидия видела их распущенными однажды – лишь однажды, и вид этого блестящего каната из золота довольно сильно её напугал.

– Все они – ваши собственные? – выдохнула она.

И с мимолётной улыбкой и комическим колебанием Моргана ответила:

– Я... я думаю, да! Похоже на то! Не думаю, что они отвалятся, только если вы *очень сильно* дёрнете!

Лидия не дёрнула сильно, но пощупала мягкую выющую массу, стекающую с головы много ниже колен, и молча позавидовала их хозяйке.

– Весьма неудобно! – заявила Моргана. – Никогда не знаю, что с ними делать. Никак не могу убрать их «по моде», и когда я их завиваю, то этого совсем не заметно. Однако, у всех свои проблемы! У одного – с зубами, у другого – с лодыжками; мы никогда не бываем *полностью* довольны! Вся суть в том, чтобы терпеть не жалуюсь!

И эта любопытная женщина, которая говорила «так странно», владела миллионами! Её отец, который приехал в Штаты с дикого севера Шотландии совершенно без гроша, настолько успешно использовал каждую выпадавшую ему возможность, что каждое его вложение, казалось, приносило пятикратный доход в его руки. Когда его жена умерла вскоре после того, как его богатство начало нарастать, его окружили прекрасные и знатные женщины, жаждавшие занять её место, но он держался адамантом против всех их ухищрений и остался вдовцом, всецело посвятив свою любовь единственной дочери, которую привёз с собой с Хайленд-Хиллс и которой он дал блестящее, но отрывочное и необычное образование. Жизнь, казалось, вертелась вокруг него сверкающим золотым кольцом, в котором он был центром, и когда он внезапно умер «от перенапряжения», как сказали доктора, люди почти боялись назвать вслух обширное состояние, унаследованное его дочерью, даже будучи привычными ко многим миллионам. А теперь?..

«Калифорния! – размышляла Лидия. – Сэм Гвент думает, что она уехала туда вслед за Роджером Ситоном. Но какова же её цель, если ей на него наплевать? Гораздо более вероятно, что она отправилась на Сицилию, там у неё построенный дворец, чтобы жить „в полном одиночестве“! Что же! Она может себе это позволить!»

И с коротким вздохом она отпустила свой караван мыслей и ушла с веранды – пора было переодеться и подготовиться поражать и восхищать неустойчивый разум хитрого старого Креза, который, свободно наслаждаясь собой, прожил холостяком вплоть до своих нынешних семидесяти четырёх лет, а теперь подыскивал себе молодую, сильную женщину, чтобы она следила за домом и была ему нянькой и помощницей в преклонном возрасте, за чьи услуги, если она подойдёт, он назвал бы её «женой», чтобы укрепить её положение. И сама Лидия Герберт была частным образом осведомлена о его видах. Более того, она всецело желала их удовлетворить ради богатства и шикарной жизни. У неё не было великих амбиций; немногие женщины её общественного положения их имели. Жить в хорошем доме, вкусно есть и красиво одеваться, без помех вписаться в модный круг общения – это было всё, чего она желала; а о романтике, чувствах, эмоциях или идеалах она и не мечтала. Периодически она улавливала в мозгу проблеск мысли о чём-то более высоком, чем материальные нужды, но начинала смеяться над ним ещё раньше, чем тот успевал оформиться: «Смешно! Полная чушь! Будто Моргана!»

И быть, как Моргана, означало быть, как учат циники, «невозможной женщиной»: независимой от мнений и поэтому «непонятой людьми».

Глава 4

– Что ты на меня глазеешь? У тебя такие огромные глаза!

Моргана, одетая лишь в белую шёлковую ночную сорочку, сидела на краю своей постели, перебирая маленькими розовыми кончиками пальцев торчавшую тонкую оборку её одежды, глядя на красивую широкоплечую девочку Манеллу, которая только что принесла поднос с её завтраком и теперь стояла, разглядывая хозяйку со странным выражением смешанного восхищения и робости.

– Такие огромные глаза! – повторила она. – Словно огромные фары, светящие изнутри твоего мозга-мотора! Что ты во мне увидела?

Загорелая кожа Манеллы вспыхнула тёмно-красным.

– То, чего раньше никогда не видела! – ответила она. – Вы такая бледная и маленькая! Вовсе не похожи на женщину!

Моргана весело рассмеялась.

– Не похожа на женщину! О, дорогая! А на кого же я тогда похожа?

Глаза Манеллы потемнели от усилия выразить свою мысль.

– Не знаю, – сказала она в замешательстве, – но однажды здесь, в саду, мы нашли прекрасную бабочку с белыми крыльями – совсем белыми, и она сидела на алом цветке. Мы все прибежали поглядеть на неё, потому что она была не похожа на всех прочих, виденных прежде бабочек: её крылья выглядели как бархат или лебяжий пух. Вы мне напомнили эту бабочку.

Моргана улыбнулась.

– Она не упорхнула прочь?

– О да! Очень скоро! И через пару часов после того, как она улетела, алый цветок погиб.

– Как ужасно! – и Моргана подавила зевоту. – Это завтрак? Да? Побудь со мной, пока я ем! Ты главная горничная в «Плазе»?

Манелла пожала плечами.

– Не знаю, кто я! Я выполняю всё, о чём меня просят, насколько могу справиться.

– Занятое дитя! И хорошо тебе платят?

– Для меня достаточно, – ответила Манелла безразлично, – но работа мне не нравится.

– А может ли работа нравиться?

– Если работаешь ради того, кого любишь, то несомненно! – пробормотала девушка, словно говоря с самой собой. – Дней не хватит на всю ту работу, которую захочешь выполнить!

Моргана поглядела на неё, и в глазах её блеснул серо-голубой свет. Затем она налила себе кофе и попробовала его.

– Неплохо! – заметила она. – Это ты сварила?

Манелла кивнула и проговорила наугад:

– Смею сказать, что он не так хорош, как должен бы быть, – сказала она. – Если бы с вами приехала личная служанка, то я попросила бы её сварить кофе. Женщины вашего положения предпочитают, чтобы еду им подавали иначе, чем это принято у нас, бедняков, а я так не умею.

Моргана рассмеялась.

– Ты странное, прекрасное создание! Что тебе об этом известно? Что такое по твоему мнению *моё* положение?

Манелла нервно теребила концы яркой цветной косынки, которую носила завязанной на груди, и на секунду замешкалась.

– Ну, во-первых, это ваше богатство, – сказала она наконец. – Это несомненно. Ваши прекрасные одежды, на которые вы, должно быть, тратите целое состояние! Потом, все гости здесь поражаются вашему автомобилю и водителю, называя его самым совершенством! И всё это заставляет вас думать, будто вы можете заполучить всё, что только можете себе вообразить.

А я в этом не уверена! Не думаю, что у вас есть чувства! Не бывает, чтобы вы чего-то страстно хотели и не могли бы этого заполучить, – ваши деньги купят всё желаемое. Они купят вам даже мужчину!

Рука Морганы замерла, когда она наливала себе вторую чашку кофе, и лицо её выразило удивление.

– Купят мне мужчину? – эхом повторила она. – Думаешь, получится?

– Конечно! – подтвердила Манелла. – Если бы вы захотели, а вы, смею сказать, не хотите. Насколько я понимаю, вы – прямо как человек, что живёт на изнуряющей жаре на холме: у него могла бы быть женщина, но он не желает её.

Моргана изысканным движением намазывала масло на свой бутерброд.

– Человек, что живёт на изнуряющей жаре на холме, – повторила она медленно с улыбкой. – И что же это за человек?

– Не знаю, – и огромные тёмные глаза Манеллы исполнились странной печальной задумчивости. – Он чужестранец и вовсе не болен. Он большой, сильный и здоровый. Однако предпочёл поселиться в «доме смертника», как его порой называют; туда гости «Плазы» удаляются, когда уже не остаётся никакой надежды. Ему нравится одиночество – он размышляет и пишет целыми днями. Я приношу ему хлеб и молоко – это всё, что он заказывает в «Плазе». Я стала бы его женщиной. Я бы на него работала день и ночь. Но он не захочет меня.

Моргана подняла глаза, сверкнувшие светом «феи», который часто удивлял и даже пугал её друзей.

– Ты стала бы его женщиной? Ты в него влюблена?

Нечто в её взгляде пробудило у Манеллы естественный импульс недоверия к этой женщине.

– Нет, не влюблена! – отвечала она холодным тоном. – Я сказала слишком много.

Моргана улыбнулась и, протянув маленькую белую ручку, украшенную сверкающими кольцами, нежно положила её на загорелое запястье девушки.

– Ты прекрасное создание с добрым сердцем! – лениво пробормотала она. – Вот в чём проблема – в твоём сердце! Ты познакомилась с мужчиной, который живёт один и исследует вещи, которые, вероятно, представляются ему самыми удивительными из всего когда-либо написанного, в то время как на самом деле они – не что иное, как мусор, и ты вбила себе в голову, что ему требуется забота и любовь! Но ему ничего этого не нужно! И это *ты* хочешь любить и заботиться о нём! О Небо! Ты когда-нибудь задумывалась над тем, что значит любовь и забота?

Манелла быстро и мягко выдохнула.

– Весь мир, конечно! – порывисто ответила она. – Любить! Владеть тем, кого любишь, его телом и душой! И заботиться о жизни, порождённой этой любовью! Это, должно быть, рай!

Улыбка сползла с губ Морганы, и выражение лица стало почти печальным.

– Ты словно доверчивый зверёк! – сказала она. – Зверёк, не ведающий о ружьях и капканах! Бедная девочка! Я бы хотела, чтобы ты уехала вместе со мною из этих одиноких гор в большой мир! Как твоё имя?

– Манелла.

– Манелла, а дальше?

– Манелла Сорисо, – ответила девушка. – Мои родители были испанцами – они уже умерли. Я родилась в Монтерей.

Моргана начала мягко напевать:

«Под стенами Монтерей
На рассвете заиграли горны,
Идём вперёд, навстречу смерти,

Виктор Гэлбрей».

Она замолчала и сказала:

– Ты ведь видела немногих мужчин?

– О нет, многих! – и Манелла легкомысленно вскинула голову. – Все они более-менее похожи: жадные до долларов, обожают курить и киношных женщин – мне нет дела до них. Некоторые даже предлагали мне выйти за них, но я скорее умру, чем стану женой такого человека!

Моргана соскользнула с края постели и выпрямилась, а ночная сорочка симметрично опала вокруг её маленькой фигурки. Ловким движением она развязала узел, который ночью стягивал её волосы, и они распустились выющимися локонами, как золотая змея до самых колен. Манелла отступила от удивления.

– Ох! – воскликнула она. – Какая красота! У меня тоже густые волосы, но они чёрные и тяжелые – уродливые, некрасивые! А он, тот человек в хижине на холме, говорит, что ничего так не ненавидит, как женщину с золотыми волосами! Как может он ненавидеть такую прелесть!

Моргана пожала плечами.

– О вкусах не спорят! – сказала она равнодушно. – Кому-то нравятся чёрные волосы, кому-то рыжие, кому-то ореховые.

Очарованная её удивительным эльфийским видом, когда она стояла, будто белый ирис в своих шелковых одеждах, и очертания её фигуры смутно угадывались под складками, Манелла приблизилась немного застенчиво.

– Ах, но я не говорю, что предпочитаю смерть настоящему, истинному браку! – сказала она. – Когда любишь – всё иначе! А вы выглядите такой прекрасной и удивительной, почти как фея! Вы разве не думаете так же?

Моргана рассмеялась поверхностным и холодным смехом, как будто дождь застучал по окну.

– Мне нужно одеться, – сказала она. – А ты передай сообщение моему водителю: скажи, чтобы приготовился к отъезду. Я отлично отдохнула за ночь и теперь вполне готова к длинной поездке.

– О, вы уже уезжаете? – и Манелла печально вздохнула: – Как жаль! Я бы хотела, чтобы вы остались!

Глаза Морганы вспыхнули презрительным смехом:

– Ты, странное создание! Зачем мне оставаться? Совершенно незачем!

– Если незачем, тогда зачем же вы приезжали?

Это вырвалось у неё неожиданно и бессознательно, так что Манелла и сама не могла объяснить почему.

Моргана казалась задумчивой.

– Зачем я приезжала? И правда, я едва ли знаю! Меня переполняют странные желания и фантазии, и я люблю по-всякому развлекаться. Думаю, я хотела взглянуть на Калифорнию, вот и всё!

– Так почему бы не узнать её получше? – настаивала Манелла.

– Немного – лучше, чем слишком много! – рассмеялась Моргана. – Я быстро начинаю скучать! Эта «Плаза» наскучит мне до смерти! Зачем ты хочешь, чтобы я осталась? Увидеть твоего мужчину в горах?

– Нет! – ответила Манелла с неожиданной резкостью. – Нет! Я бы не хотела, чтобы вы виделись! Он скорее вас возненавидит, чем полюбит!

Серо-голубой блеск показался в глазах Морганы.

– Ты любопытная девушка! – размеренно произнесла она. – Ты могла бы стать трагической актрисой и сделать карьеру на сцене с таким голосом и внешностью! И всё же ты торчишь здесь и работаешь в санатории! Что ж! Это глупая, ужасная жизнь, но я думаю, что она тебе нравится!

– Не нравится! – яростно заявила Манелла. – Я её ненавижу! Но что же мне делать? У меня нет ни дома, ни денег. Мне нужно как-то зарабатывать на жизнь.

– Ты поедешь со мной? – спросила Моргана. – Я сейчас же увезу тебя, если захочешь!

Манелла посмотрела на неё с детским удивлением – её большие тёмные глаза засияли, затем омрачились тенью печали.

– Благодарю вас, сеньора! – нежно проговорила она, употребив испанскую вежливую форму обращения. – Это очень любезно с вашей стороны! Но я вам не подхожу. Я не знаю мира и медленно учусь. Мне лучше здесь.

Маленькая улыбка, мечтательная и таинственная, появилась на губах Морганы.

– Да! Вероятно, так и есть! – сказала она. – Понимаю тебя! Ты не хочешь оставлять *его*! Уверена в этом! Ты хочешь регулярно подкармливать своего медведя хлебом с молоком – да, бедное обманывающееся дитя! Мужайся! У тебя ещё есть шанс стать, как ты сказала «его женщиной»! И когда это случится, я ещё посмотрю, как тебе это понравится!

Она рассмеялась и начала расчёсывать свои блестящие волосы на две шёлковые косы. Манелла смотрела и смотрела на сияющий блеск, пока уже больше не могла этого делать из-за банальной зависти и тогда медленно повернулась и вышла из комнаты.

В одиночестве Моргана продолжила в задумчивости расчёсывать волосы, затем, заколов их наверх в огромный узел, она продолжила свой туалет. Всё самое прекрасное и изысканное было в её распоряжении – от шёлковых колгот до изящных кружевных корсетов, и когда она достигла высшей точки своего великолепия, надев короткое летнее платье и подходящую шляпку, то скрупулёзно осмотрела себя в зеркале, чтобы убедиться, что каждая деталь ее наряда была совершенна. Она прекрасно осознавала, что не была красавицей по мнению журналистов, обладая более тонкой привлекательностью, которую ни одна камера не могла даже уловить, но сама она точно знала, как подчеркнуть её.

«Ненавижу неопрятных путешественников! – сказала бы она. – Ужасных людей с масляными пятнами на одежде и пахнущих бензином! Ни один гоблин из ночного кошмара не может быть уродливее, чем обычный автомобилист!»

У неё не было багажа, кроме специального чемоданчика, в котором, по её словам, «помещалось всё». Он был наскоро запакован, заперт и готов к поездке. Потом она подошла к окну и помахала рукой в направлении ближайшего холма и «дома смертника».

– Глупый увалень! – сказала она, обращаясь к человеку, которого называла этим именем. – Ты приехал сюда один в дикий калифорнийский край, сбежав от меня, и здесь ты нашёл какую-то необразованную девку, дикую и жаждущую стать «твоей женщиной». Почему бы и нет? Она – как раз то, чего ты хочешь: будет рубить дрова, таскать воду, готовить пищу и вынашивать детей! Ты будешь жить, как дикий бабуин, и твой мозг со временем станет работать хуже и совсем истощится, и твоё великое научное открытие будет похоронено в неизвестности и никогда не выйдет в свет! И всё это в том случае, если она станет своей женщиной! Это ещё большой вопрос, конечно, однако она сильна, красива и с прекрасным телом, а я не знаю мужчины, который смог бы перед всем этим устоять. Что касается меня и моего «пошлого богатства», как ты его зовёшь, то я лишь маленькая соломинка, не стоящая твоих мыслей! Так ты думаешь – но нет, мой дорогой увалень! Только до тех пор, пока мы не вступили с тобой в борьбу, если этому суждено случиться!

Она надела перчатки, взяла сумочку и спустилась по лестнице, оказавшись на просторной, украшенной цветами лоджии «Плазы», где с дружелюбным поклоном и улыбкой она

заплатила по счёту администратору отеля. Её водитель, умный француз в ливрее, ожидал её вместе с грумом.

– Мы уезжаем сегодня, мадам? – спросил он.

– Да, мы уезжаем, – ответила она, – и как можно скорее. Только принесите мой чемодан – он стоит упакованный в моей комнате.

Грум поспешил выполнить приказ, и Моргана оглянулась вокруг и увидела, что стала предметом пристального интереса со стороны некоторых гостей, которые тоже находились в лоджии. Её серо-голубые глаза равнодушно сверкнули в их направлении и остановились на Манелле, которая стояла, сгорбившись в углу. Она с улыбкой подозвала её.

– Подойди, попрощайся со мной! – сказала она. – Взгляни на мою машину и подумай, как бы ты могла на ней уехать!

Манелла сжала губы и покачала головой.

– Лучше не стоит! – пробормотала она. – Бесполезно смотреть на то, чего никогда не будешь иметь!

Моргана рассмеялась.

– Как угодно! – сказала она. – Ты странная девушка, но довольно красива! Не забывай об этом! Скажи человеку в горах, что я так сказала. Довольно красива! До свиданья!

Она прошла через лоджию быстрым грациозным шагом и залезла в роскошный лимузин, богато украшенный шёлковыми лентами и оборудованный всей возможной роскошью, словно будуар королевы на колёсах, пока Манелла вытягивала шею, чтобы в последний раз на неё взглянуть. Её водитель быстро занял своё место, и через секунду под звук высокого серебряного гудка (это был единственный вид «гудка», который бы она вытерпела) машина бесшумно заскользила вниз по пыльной широкой дороге; её отполированная эмаль и серебряный блеск, как блики солнца, растворились в ещё более ярком свете и исчезли.

– И это самая богатая женщина Америки! – сказал отельный служащий всем, кому хотелось это объявление услышать. – Моргана Роял!

– Так ли это? – протянул человек с болезненным лицом, откинувшись в инвалидном кресле. – Она не очень-то похожа на таковую!

И он выразительно зевнул.

Он был прав. Она не была похожа на таковую внешне, но была выше того, что мог показать взгляд. Так со скорбью и завистью подумала Манелла, которая инстинктивно почувствовала, что хоть сама она и была симпатичной и даже «довольно красивой», но более ничем. Она никогда не слыхала слова «фея». Таинственная красота западных гор была закрыта от неё широким барьером из многих морей и завесой из облаков. И поэтому она не знала, что женщины-«феи» – это раса, отличная от всех прочих женщин мира.

Глава 5

В тот вечер на закате Манелла направилась напрямиком на холм, к «дому смертника», движимая ей самой непонятным порывом. У неё для этого не было ни одной стоящей причины; она знала, что мужчина, живущий там, наверху, который так сильно её интересовал, имел достаточное количество еды на три дня и что, скорее всего, он будет раздражён уже одним её появлением. И всё же она испытывала непреодолимое желание рассказать ему об удивительной женщине с ярким взглядом, которая уехала из «Плазы» тем утром и назвала Манеллу «довольно красивой». Гордость и наивное женское тщеславие волновали её; «если другая женщина так думает, то так оно и есть», успокаивала она себя, хорошо зная, что женщины редко восхищаются друг другом. Она медленно шла с опущенной головой и вдруг остановилась в испуге, встретившись, или почти налетев, на того самого человека, которого искала, кто в своих бесшумных полотняных ботинках с грацией пантеры подошёл к ней незамеченным. Остановившись на полпути, она тихо стояла, быстро опустив глаза и раскрыв рот. В своём восхищении силой и физической привлекательностью чужестранца, которого она знала только таковым, она подумала, что он выглядел великолепно, как бог, спустившийся с холма. Далёкий от доброго расположения духа, он нахмурился при виде неё.

– Куда ты идёшь? – грубо спросил он.

Яркая краска залила её щёки розово-красным, закатным цветом.

– Я шла посмотреть, не нужно ли тебе что-то, – заикалась она почти униженно.

– Ты знаешь, что нет, – сказал он. – Ты можешь попасть в беду.

Она выпрямилась с лёгкой обидой.

– Если тебе ничего не нужно, то зачем спускаешься в долину? Ты говорил, что ненавидишь «Плазу»!

– Верно! – и он заговорил почти мстительно. – Но в настоящее время там есть кое-кто, с кем я хочу увидеться.

Её чёрные глаза распахнулись в вопросительном взгляде.

– Мужчина?

– Нет. Странно сказать, но женщина.

Внезапная догадка озарила её разум.

– Знаю! – вскричала она. – Но ты её не найдёшь! Она уехала!

– Что ты говоришь? – спросил он нетерпеливо. – Что ты знаешь?

– Ох, я ничего не знаю! – и в её голосе сквозь всхлип прозвучала пафосная нотка. – Но я чувствую *вот здесь*! – И она приложила руки к груди. – Что-то говорит мне, что ты виделся с ней – с маленькой удивительной бледной женщиной, сладко пахнущей, как роза, одетой в шелка, бриллианты и с её сказочной машиной! И с золотыми волосами... ах! Ты сказал, что ненавидишь золотоволосых женщин! Это и есть та самая женщина, которую ты ненавидишь?

Он стоял и смотрел на неё с задумчивым, полупрезрительным выражением.

– Ненавижу – слишком сильное слово, – отвечал он. – Она не стоит ненависти!

Её брови нахмурились.

– Я в это не верю! – сказала она. – Ты говоришь неискренне. Скорее, думаю, ты любишь её!

Он грубо схватил её за руку.

– Хватит! – вскричал он злобно. – Ты, бестолковая нахалка! Люблю я или ненавижу кого-то – не твоё дело! Как ты смеешь говорить со мной об этом!

Она отодвинулась от него подальше. Губы её задрожали, и слёзы навернулись на глаза.

– Прости меня! О, прости меня! – она пробормотала с мольбой. – Мне так жаль...

– Тебе и должно быть жаль! – парировал он. – Ты, Манелла, воображаешь себя влюблённой в меня! Да так и есть! И не можешь оставить меня в покое! Ни один влюблённый мужчина в жизни не станет кланяться любви так явно и униженно, как влюблённая женщина! Теперь ты увидела соперницу на своей сцене, и, хоть она и не более чем гостья в «Плазе», где ты помогаешь мыть тарелки, ты вдруг выдумываешь кучу романтических бредней и воображаешь меня связанным с ней каким-то мистическим образом! Ох, ради Бога, не рыдай! Это невыносимо! Нет повода для слёз. Ты водрузила меня, словно куклу, на священный пьедестал и хочешь мне поклоняться! Что же, я просто не приму твоего поклонения. А что касается твоей «маленькой удивительной бледной женщины, сладко пахнувшей, как роза», то я и не отрицаю, что с ней знаком. И я не отрицаю так же того, что прошлой ночью она приходила на холм, чтобы проведать меня.

Шаг за шагом Манелла приближалась к нему со сверкающими глазами.

– Приходила к тебе? Она это сделала? Во тьме? Как вор или змея!

Он громко рассмеялся.

– Не как вор или змея! – сказал он. – И никакой тьмы не было, а лишь свет полной луны! Какая была луна! Обычная луна для подобной сцены! Прекрасный фон для такой актрисы с её белыми одеждами и золотым канатом волос! Да, всё было прекрасно продумано – в своём роде эффектно, хоть меня она и не растрогала!

– Ах, но я *смогла* тебя растрогать! – вскричала Манелла. – Иначе, ты не отправился бы сегодня вниз, чтобы её увидеть! Ты говоришь, что она приходила «проведать тебя»...

– Конечно! – перебил он её. – Она бы пришла к любому мужчине, в котором она заинтересована в данный момент. Даже леса не способны укрыть его, пещеры его не спрячут, если она вбила себе в голову, что должна его найти. Я надеялся, что она не станет искать меня, но она нашла; однако, ты говоришь, что она уехала...

Вся краска сошла с лица Манеллы – она стояла бледная и непреклонная.

– Она вернётся, – выдавила она.

– Надеюсь, что нет! – и он небрежно уселся на землю отдохнуть: – Подойди и сядь рядом со мной и расскажи, что она тебе говорила!

Но Манелла молчала. Её тёмные, страстные глаза смотрели на него с огромным презрением и печалью в сиявшей глубине.

– Подойди! – повторил он. – Не смотри на меня, словно я какой-то новый вид пресмыкающегося!

– Думаю, так и есть! – сказала она прохладным тоном. – Внешне ты человек, но человеческие чувства тебе чужды!

– Ох, это верно! – и он махнул рукой с безразличием. – У меня чувства современного человека – культура совершенного супернемца! Да, это так! Чувства – простая мухоловка для чувствительности, приманка для добычи, но как только муха поймана, ловушка закрывается. Ты понимаешь? Нет, конечно, нет! Ты ужасно примитивная женщина!

– Не знала, что ты немец, – сказала она.

– Не знал и я! – рассмеялся он. – Я только сказал, что у меня «культура» супернемца, а супернемец означает, что я выше всех прочих мужчин. Он не может сбежать от себя – не могу и я! Это проблема! Давай, слушайся меня, Манелла! Присядь рядом со мной!

Очень медленно и очень неохотно она подчинилась. Она села на траву в трёх-четырёх шагах от него. Он протянул руку и коснулся её, но она оттолкнула её назад очень решительно. Он улыбнулся.

– Мне не следовало дарить тебе любовь этим утром, да? – спросил он. – Отлично! Я не хочу любви – она меня не интересует. Я лишь хочу поднять тебе настроение! Ты как взъерошенная кошка – нужно пригладить твой мех.

– Ты его не пригладишь! – сказала Манелла презрительно.

– Нет?

– Нет. Больше никогда!

– Ох, страшная трагедия! – и он растянулся на земле, закинув руки за голову. – Но какая разница! Рассказывай свои новости, глупая девчонка! Что эта «маленькая удивительная бледная женщина» тебе сказала?

– Хочешь узнать?

– Думаю, да! Я испытываю то же любопытство, что и дикарь, который впервые увидел себя на снимке! Да! Мне интересно, что *современная* женщина сказала *отсталой*!

Манелла нетерпеливо дёрнула рукой.

– Я не понимаю всех твоих красивых слов, – сказала она, – но тебе отвечу. Я рассказала ей о тебе: как ты приехал сюда жить в хижину для смертников на холме, предпочтя её «Плазе», и о еде, которую я тебе приношу, и её это, казалась, позабавило...

– Позабавило?

– Да, позабавило. Она засмеялась – она такая милая, когда смеётся. И она вообразила, будто...

Он принял сидячую позу.

– Вообразила, будто?.. Что?..

– Что я не так уж плохо выгляжу... – и Манелла, набравшись мужества, устремила тёмные глаза прямо ему в лицо. – Она сказала, что я могу тебе передать, что она считает меня довольно красивой! Да, довольно красивой!

Он улыбнулся той улыбкой, что была больше похожа на оскал.

– Так и есть! Я часто тебе это говорил! Тут и к бабке не ходи – факт налицо. Однако она – хитрая кошка! Она велела передать её мнение мне, а догадываешься зачем?

– Нет!

– Элементарно! Потому что хотела, чтобы ты передала мне скрытое послание: что она считает меня твоим любовником и восхищена моим вкусом! Теперь она возвратится назад в Нью-Йорк и всем разболтает об этом! Хитрая маленькая дьяволица! Но я не твой любовник и никогда им не стану даже на полчаса!

Манелла подскочила с земли, на которой сидела.

– Да знаю я! – сказала она, и глаза её блеснули гордым презрением. – Знаю, что была душой, что заботилась о тебе! Не знаю даже, зачем я это делала, – это словно была болезнь! Но теперь я здорова!

– Здорова? Отлично! О, давай будем веселиться! Будь здорова, Манелла, и оставайся «довольно красивой», как сейчас! Быть довольно красивой – хорошая вещь, не такая хорошая, как это было в древней Греции, но всё же даёт некие преимущества! Я гадаю, как ты употребишь свою прелесть?

Говоря, он поднялся, потянувшись и встряхнувшись, как лесной зверь.

– Что с ней будешь делать? – повторил он. – Ты должна её кому-то отдать! Должна передать своим потомкам! Это древний закон природы, он становится несколько назойливым, но по-прежнему остаётся законом! Ну а она – удивительная бледная женщина – она живёт для того, чтобы этот закон нарушать! К счастью, она не красива!..

– Красива! – вскричала Манелла. – Я вижу её такой!

Он взглянул на неё вниз с высоты своего роста с примирительной ухмылкой.

– В самом деле! Ты её таковой считаешь? И она тоже называет тебя красивой! У вас просто общество взаимного восхищения! И вы обе одержимы одним и тем же мужчиной! Мне его жаль! Единственный выход для него – держаться от вас подальше! Нет, Манелла! Думай что хочешь, но она не красива. *Ты* красива. Но она умна, а вот ты нет. Можешь возблагодарить за это Бога! Она зверски, противостоестественно, чертовски умна! И её ум даёт ей возможность видеть весь обман этой жизни насквозь; абсурдность рождения, которое заканчивается смер-

тью, – бесцельную причудливость цивилизации; и она стоит за пределами всего этого ради иной цели. Она жаждет новых ценностей, а не полового влечения и семейной жизни. Муж бы наскучил ей до смерти, забота о детях свела бы её в сумасшедший дом!

Манелла выглядела поражённой.

– Не могу этого понять! – сказала она. – Женщина живёт ради мужа и детей!

– Некоторые женщины! – ответил он. – Не все! Есть немногие, кто не желает оставаться на животном уровне. Мужчины пытаются удержать их там, но сегодня они заранее в проигрыше. (Лисы живут в норах, а птицы – в гнёздах, но мы не можем не видеть, что когда мать-лисица воспитает своих щенков, она их выгоняет на свободу и больше ничего о них не знает; точно так же и мать-птица. Природа не знает чувств!) А мы знаем, потому что искусственным образом эти чувства взрастили: мы воображаем, что любим, в то время как мы только желаем чего-то для самих себя на краткий миг. Жизнь, как ты сказала, «ради мужа и детей» превращает женщину в рабыню (большинство женщин – рабыни), но сегодня они встают на путь эмансипации. Женщина с золотыми волосами, которой ты так восхищена, – эмансипированная женщина.

Манелла презрительно покачала головой.

– Это означает только то, что она делает что хочет, – сказала она. – Выходить или не выходить замуж, любить или не любить. Думаю, если бы она вообще полюбила, то любовь её была бы великой! Зачем она тайно приходила к тебе ночью? Полагаю, она тебя любит!

Внезапный яркий румянец залил его лицо.

– Да, – отвечал он с некой мстительной неспешностью. – Думаю, что любит! Ты, Манелла, хочешь заполучить меня, как обычного мужчину, а она хочет завладеть моим разумом! Ты бы похитила мою физическую свободу – она бы украла мои сокровенные помыслы! И обе вы окажетесь разочарованными! Ни моё тело, ни разум – никогда не будут принадлежать женщине!

Он повернулся спиной и начал своё восхождение к одинокому убежищу. Один раз он оглянулся:

– Не появляйся мне на глаза как минимум два дня! – крикнул он. – У меня более чем достаточно еды.

Он ушёл, и Манелла стояла, глядя ему вслед; её высокая красивая фигура выделялась на фоне горящего неба. Её тёмные глаза заволокли неудержимые слёзы стыда и страдания, она чувствовала себя обманутой и незаслуженно обиженной. И под этими личными эмоциями зародилось теперь болезненное чувство ревности, поскольку, несмотря на всё, что он сказал, она чувствовала, что было нечто тайное между ним и «маленькой удивительной бледной женщиной», чего она не могла разгадать и, вероятно, это являлось причиной его любимого затворничества и добровольного одиночества.

«Как бы хотела я теперь уехать с нею! – размышляла она. – Поскольку, если я „довольно красивая“, по её словам, то она могла бы помочь мне выйти в свет – я могла бы стать леди!»

Она брела медленно и уныло назад в «Плазу», зная в своём сердце, что будь она хоть леди, хоть не леди – её красота была бесполезной, поскольку она не производила эффекта на единственного мужчину, которого она выбрала, чтобы о нём заботиться; он её об этом не просил и не хотел видеть. Конечно, психологи учат, что закон естественного отбора предоставляет женщине привилегию выбирать себе мужчину, но сложность этого спорного утверждения начинается там, где её выбор не отвечает ей взаимностью. Манелла являла собой замечательный образец примитивной женственности: здоровая, с горячей кровью и исполненная человеческой страсти, как жена она была бы верной, как мать – превосходно нежной; но, по оценкам современных стандартов прогрессивных и активных женщин, она была просто тягловой лошадью, неспособная думать за себя или анализировать оттенки своих эмоций. Интеллектуальность не была её сильной стороной; большинство людей указывали на её бестолковость, и у неё не хватало терпения выслушивать никаких разговоров на более возвышенные темы, чем еда

или дневные заботы. Её поражало и смущало всё, что этот странный отшельник на холме ей говорил; она совсем не могла понять его, и всё же чисто физическое притяжение, которым он от природы обладал, влекло её к нему, словно магнитом, и держало в состоянии лихорадочной жажды любви, которую, как она знала, она никогда не завоюет. Она бы охотно стала его служанкой ради одной надежды или возможности, что, вероятно, когда-нибудь в момент одиночества он мог бы уступить настойчивости её нежности; сам Адонис во всей красоте свой молодости не мог оказать более сильного влияния на Венеру, чем этот простой, бородатый мужчина – на одинокую необразованную калифорнийскую девушку, одарённую красотой богини и с детской душой. Что это было за исключительное восхищение, которое, как напряжение магнитного поля в телеграфных проводах, толкало нежное сердце женщины под равнодушный ботинок грубого мужчины, столь же безразличного к ней, как к цветку, который он растоптал по пути? Природа могла бы объяснить это неким отчаянным самоотречением, но Природа ревностно хранит свои секреты, которые удаётся понемногу вытягивать из неё в течение веков. И, невзирая на все усилия, скрытые её хитросплетения между приятной и неприятной остаются неразрешимой тайной.

Глава 6

От Калифорнии до Сицилии долгий путь. Раньше он считался намного длиннее, чем теперь, в наши волшебные дни авиаперелётов и автомобильного транспорта, когда расстояние настолько сократилось, что, по представлениям любого человека, воспитанного в Америке и поэтому привыкшего к суете, оно действительно уже почти ничего не значит. Моргана Роял забросила все дела, оставшись на несколько дней в Париже и на пару ночей в Риме; и вот она, словно перенесаясь над морем при помощи сверхъестественной силы, сидела в совершенном райском цветочном саду и любовалась на голубое Средиземное море с мечтательным взглядом, в котором растворялся его сияющий блеск. На расстоянии около четверти мили, видимый сквозь покачивающиеся вершины сосен и ветвистых олеандров, стоял дом, которому и принадлежал этот сад; восстановленный дворец древних времён, построенный из розового мрамора в классическом стиле греческой архитектуры. Реставрационные работы были ещё не полностью окончены; множество работников занимались восстановлением фасада и окружавшей его лоджии; и время от времени Моргана поворачивалась к ним с видом лёгкого нетерпения. Сладкая улыбка осветила её лицо, когда она наконец заметила приближавшуюся к ней фигуру гибкого, смуглого, красивого человека, кто, подойдя достаточно близко, приподнял шляпу с глубоким поклоном и, когда она протянула руку, поднёс её к губам.

– Добро пожаловать, мадам! – сказал он по-английски с едва угадываемым иностранным акцентом. – Я слышал, что прошлой ночью вы приехали, но едва мог поверить этому счастью! Вы, должно быть, ехали быстро?

– Всегда недостаточно быстро, по моему мнению! – ответила она. – Для меня весь мир вертится слишком медленно!

– Вам следует обратить эту жалобу к Господу Богу! – сказал он весело. – Вероятно, Он снизойдёт до того, чтобы раскрутить эту планету немного быстрее! Но по-моему, наоборот, время летит слишком быстро! Я трудился – мы все трудились, – чтобы закончить этот дворец к вашему приезду, и всё же ещё многое предстоит сделать...

Она прервала его.

– Внутренняя отделка почти идеальна, – сказала она. – Вы следовали моим инструкциям даже более скрупулёзно, чем я могла предположить. Теперь это прекрасная обитель для феи и место для мечты поэтов...

– Для влюблённых женщин! – сказал он с неожиданным огоньком на дне тёмных глаз.

Она посмотрела на него, смеясь.

– Ах вы, бедный маркиз! – сказала она. – Вы всё думаете о любви! Я полагаю, что только итальянцы сохранили в своих сердцах эти средневековые чувства, все прочие люди постепенно от них отрекаются. Вы, как ребёнок, что верит в сказки! Вам кажется, я буду счастлива с любовником, а лучше с несколькими! Чтобы проводить с ними весь день и обниматься по ночам! О, фи! Что за пустая трата времени! И в конце концов ничто так не изматывает! – Она отломила побег цветущего лавра и игриво хлестнула им по ладони. – Не юлите, дорогой мой! К чему всё это? Вам больше нечем заняться? Я узнала вас в Сицилии – восхитительного бедного дворянина с древней родословной, восходящей к цезарям! Красивого, умного, с прекрасными идеями – и я выбираю вас и плачу вам за реставрацию и перестройку этого древнего сказочного дома для меня, потому что у вас есть вкус и умение, и я знаю, что вы всё можете, когда нет проблем с деньгами, – и так и было и до сих пор продолжается! Так зачем же портить всё это влюблённостью в меня? Фи, фи!

Она рассмеялась снова и, поднимаясь, подала ему руку.

– Держите её! – сказала она. – И пока держите, расскажите мне о другом моём доме – о том, что с крыльями!

Он сжал её маленькие беленькие пальчики в своей загорелой ладони и шагнул рядом с ней с опущенной головой.

– Ах! – он глубоко вздохнул. – Это чудо! То, что мы называли вашим «невыполнимым» планом, стало реальностью! Но кто бы мог подумать...

– Вы естественно удивлены, что моя «идея», бывшая чем-то немного большим, чем просто идея, превратилась в научный факт! Говорите же скорее, что там с моим «Белым Орлом»? Какой ход? Какая скорость?

– Потрясающие! – и маркиз понизил голос почти до шёпота. – Я едва смею вам об этом говорить! Это что-то сверхъестественное! Мы воплотили все ваши инструкции с буквальной точностью – эта вещь *живёт* во всех отношениях, кроме самой жизни в ней. Я провёл испытания с той жидкостью, которую вы мне предоставили: я тайно зарядил ячейки, так что ни один механик не заметил этого, и когда он поднялся в воздух, они были в ужасе...

– Отважные ребята! – сказала Моргана и тогда вынула руку из его ладони. – Так вы поднимались один?

– Да. Управлять было нетрудно – он слушался руля; это как управлять лёгкой яхтой на море: ветер и течение работают на нас. Однако его скорость превосходит любое известное мне воздушное судно, как и возможная высота полёта.

– Мы летаем на нём завтра, чтобы скоротать время, – сказала Моргана. – Вы выберете конечный пункт для нас. Нас ничто не остановит ни в воздухе, ни на земле! И ничто нас не уничтожит. Это я могу гарантировать!

Джулио Риварди с удивлением поглядел на неё; его тёмные глубокие глаза южанина выражали восхищение с примесью сомнения.

– Вы так в себе уверены? – спросил он деликатно. – Конечно, нельзя не восхищаться тем, что ваш ум решил в столь короткое время ту задачу, которую все люди мира до сих пор тщатся разрешить...

– Люди – медлительные улитки! – сказала она легкомысленно. – Они тратят годы на болтовню, вместо того чтобы действовать. Опять-таки, как только кто-то из них что-то сделает, то все прочие машут на него руками, и годы пропадают в попытке доказать прав он или виноват. Я, будучи обычной женщиной, не спрашиваю ничьего мнения, иду вперёд на собственный страх и риск, вкладываю свои деньги и не связываюсь с правительствами. Если я добьюсь успеха, то на меня быстро выйдут! Но я не ставлю целью отдавать или продавать кому-либо своё изобретение.

– Вы, конечно, оставите его себе?

– А почему бы и нет? Мир слишком переполнен изобретениями сегодня – и он не выражает ни капли благодарности своим изобретателям и открывателям. Мир готов снять глупый фильм о миллионерах, но при этом оставит великого учёного или благородного мыслителя умирать с голоду. Нет-нет! Пусть он вертится на своей орбите – я его просвещать не собираюсь!

Она шла вперёд, собирая по сторонам цветы, а он держался рядом.

– Здешние работники, – наконец отважился он заговорить, – глубоко заинтересованы. Их едва удаётся убедить, чтобы не болтали между собой и в наружных клубах об удивительном механизме, для работы над которым их наняли. Они неотлучно трудятся над ним уже пятнадцать месяцев.

– Мне ли этого не знать? – и она с улыбкой повернула к нему голову. – Я разве не плачу им зарплату регулярно? И вам? Мне всё равно, что и где они болтают! Они построили «Белого Орла», но они не могут заставить его полететь! Только не без *меня*! Вы были храбры, как я и ожидала, когда решились лететь один, доверившись тому средству, что дала вам я, и только я одна!

Она замолчала на минуту, затем, легко положив руку на его рукав, она добавила:

– Я благодарна вам за ваше доверие! Как я сказала, вы храбрец! Вы, должно быть, чувствовали, что рисковали жизнью! Тем не менее на этот раз вы позволили себе поверить в женщину!

– Не только на этот раз, но я теперь всегда буду верить в *такую* женщину, если она мне позволит! – ответил он тихим голосом, исполненным сильной страсти. Она улыбнулась.

– Ах! Опять вы за своё! Мой дорогой маркиз, не раздражайте напрасно своё интеллектуальное восприятие! Подумайте о том, что у нас есть такие чудеса, коих прежде не видали: тайны высоты и подземелья, света и тьмы, и в этих далёких пространствах, усыпанных звёздами, мы можем услышать о вещах, о которых ни один смертный ещё не слышал...

– И какая от всего этого польза? – спросил он вдруг.

Она распахнула свои голубые глаза от удивления.

– Польза? Вы спрашиваете меня о пользе?..

– Да, о пользе от этого без любви! – ответил он дрожащим голосом от внезапно подступивших эмоций. – Мадонна, простите меня! Выслушайте терпеливо одну минуту! И подумайте обо всём мире, если бы вы им владели и повелевали, а любви бы в нём не было, и никто бы вас не любил! Подставьте, что вы повелеваете элементами; представьте, что все силы, которые только может отдать в ваше распоряжение наука, были бы вашими – и всё же! Не было бы любви ни к вам, ни в вас к кому-либо! Зачем тогда всё это было бы нужно? Подумайте об этом, Мадонна!

Она приподняла аккуратные брови в небольшом удивлении, слабая улыбка заиграла на её губах.

– Дорогой маркиз, я думаю! Я подумала! – отвечала она. – И я заметила! Любви – какой я её себе представляла, когда была ещё совсем молодой девушкой – не существует. Страсть, которую называют этим словом, слишком незначительна и индивидуальна для меня. Мужчины нередко ухаживали за мной – не так прелестно, может, как вы это делаете! – но в Америке, по крайней мере, любовь означает доллары и меня берут вместе с ними просто в придачу! Вы, вероятно...

– Я бы полюбил вас, даже если бы вы были бедны! – неистово оборвал он её.

Она засмеялась.

– Неужели? Не обижайтесь, если я позволю себе в этом усомниться! Будь я бедной, я не смогла бы выдать вам ваше огромное вознаграждение здесь, этому дому не вернули бы его прежнюю прелесть, и «Белый Орёл» всё ещё оставался бы проектом, а не реальностью! Нет, вы очарованный маркиз! Но я бы не оказала на вас такого чарующего влияния без моих долларов! И могу вам сказать, что единственный мужчина, к которому у меня возникала симпатия – всего лишь на мгновение – некто грубый и жестокий, презирающий меня и мои доллары!

Его брови невольно нахмурились.

– Так значит, *существует* мужчина, который вам нравится? – спросил он сухо.

– Не уверена! – легко ответила она. – Я сказала, что у меня возникала симпатия к нему! Но только в духе противоречия, потому что он меня ненавидит! И между нами происходит нечто вроде интеллектуальной дуэли, потому что он пытается сделать открытие обычным медлительным, усердным, математическим человеческим методом, исследуя то самое, что я уже открыла! Он лишь на пути, но не в процессе!

– Так он может вас опередить? – и глаза маркиза заблестели внезапной злостью. – Он может назвать ваше открытие своим?

Моргана улыбнулась. Она уже поднималась по ступеням лоджии и на секунду остановилась во всём великолепии сицилийского солнца с её чудесными золотыми волосами, засиявшими в его свете оттенком нарцисса.

– Думаю, нет! – сказала она. – Хотя, конечно, всё зависит от той пользы, которую он извлечёт из него. Он, как все мужчины, жаждет уничтожать; я, как все женщины, жажду созидать!

Пара рабочих, занятых полировкой колонн из розового мрамора лоджии, приветствовали её – она возвратила им приветствие с очаровательной улыбкой.

– Какое великолепие! – сказал она. – Я, наконец, чувствую реальную пользу от долларов! Этот прекрасный «палаццо» в одном из лучших уголков мира; все восхитительные цветы, сбегające гирляндами прямо к морскому берегу и свобода наслаждаться жизнью, если угодно, без всяких препятствий или споров – даже без препятствий или споров о любви! – Она рассмеялась и бросила весёлый задорный взгляд на несколько угрюмый лик маркиза. – Идёмте, пообедаем вместе! Вы здесь теперь мажордом, вы наняли слуг и знаете домашнее хозяйство, так что должны мне всё показать и рассказать! У меня довольно милая горничная – такая добрая старая англичанка «с большой буквы», как они пишут в «Монинг Пост», так что у неё всё хорошо и правильно, она только не знает ни слова по-итальянски и очень плохо говорит по-французски. Но это очень по-британски, как вам известно!

Она зашла, улыбаясь, в дом и он последовал за ней.

Глава 7

Вероятно, нет более прекрасного природного явления, чем закат на Сицилии, когда небо пылает богатством красок, а внизу море отражает каждый живой оттенок, как в зеркале; когда сам воздух дышит чувственной праздностью, и все человеческие тревоги представляются скорее неуместными, чем важными. Моргана впервые в своей беспокойной жизни ощутила внезапное очарование сладостью умиротворения и священной тишиной, когда сидела, или скорее свободно возлежала, на длинном шезлонге после ужина на своей лоджии с мраморными колоннами и с видом на море, глядя на яркое сияние небес, горящее в спокойных водах под ними. Она потратила день на знакомство со всем домом и садом, и маркизу Джулио Риварди она высказала своё полное удовлетворение, в то время как он, располагая неограниченными средствами для выполнения её желаний, молча удивлялся истинным размерам её состояния и её решению истратить столько денег на восстановление этого дворца для одной себя. Мимолётная мысль о «единственном мужчине», к которому, по её словам, она почувствовала симпатию, терзала его мозг; но он не был ни эгоистичным, ни ревнивым. Его остро и искренне заинтересовали её интеллектуальные возможности, и он знал или думал, что знал, женскую натуру. Он наблюдал теперь, как она возлежала: маленькая стройная фигура в белом, с красными бликами солнца, игравшими в золоте поднятого вверх узла её волос; несколько соседей присутствовали на этом обеде и теперь сидели вокруг, потягивая кофе и болтая в обычной раскованной манере послеобеденного настроения; один или двое из них были англичанами, которые переехали жить на Сицилию, остальные – путешествующими американцами.

– Думаю, вы вполне довольны вашим домом, мисс Роял! – сказал один из них, седовласый мужчина с приятным лицом, который четыре или пять лет назад зимовал на Сицилии со своей женой, маленькой болезненной дамой, что вечно жила на чемоданах. – Второе такое место в мире непросто найти! Вам нужно ещё только одно для полного совершенства!

Моргана лениво перевела на него взгляд поверх веера из перьев, которым легко помахивала из стороны в сторону.

– Ещё одно? И что же это? – спросила она.

– Муж!

Она улыбнулась.

– Обычный довесок! – сказала она. – По моему мнению, весьма незначительный, и который скорее испортил бы атмосферу совершенства! Хотя маркиз Риварди спросил меня сегодня о том, что пользы от всей прелести моего «палаццо» и этих садов без любви! Своего рода этическая дилемма!

Она глянула на Риварди, когда говорила, он покручивал сигарету загорелыми пальцами, и лицо его оставалось бесстрастно сосредоточенным на этом занятии.

– Что ж, так и есть! – И её американский друг добродушно на неё поглядел. – Даже дворец и сад фей может стать унылым местом для одинокого человека!

– И скучным местом – для двоих! – засмеялась Моргана. – Мой дорогой Колонель Бойд! Не все созданы для брака, но существует столь много людей, созданных именно для него, что мы можем допустить небольшое исключение! И я – как раз оно. Муж бы меня чрезвычайно утомлял!

Колонель Бойд сердечно рассмеялся.

– Вы не всегда будете так рассуждать! – сказал он. – Столь очаровательная женщина должна же иметь где-то сердце!

– О да, дорогой! – вмешалась его хрупкая, болезненная жена. – Уверена, что у вас есть сердце!

Моргана приняла сидячее положение на кушетке и оглянулась вокруг себя с лёгким видом презрения.

– Сердце у меня быть должно! – сказал она. – Иначе я бы не могла жить. Это необходимый мускул. Но то, что вы зовёте «сердцем» и о чём пишут дорогие мечтательные поэты, – это всего лишь мозг, так сказать, импульсивная мозговая команда, пробуждающая страсть к обществу определённого человека, и все мы договорились называть её «любовью»! На волне этого обычного импульса люди и женятся!

– Это прекрасный импульс! – сказал Коронель Бойд, продолжая широко улыбаться. – Он создаёт семьи и продолжает человеческий род!

– Ах да! Но я часто задумываюсь, зачем человеческий род вообще следует продолжать? – сказала Моргана. – Настало время для нового творения!

Медленная поступь послышалась на садовой дорожке, и высокая фигура мужчины, одетая в будничную рясу священника Римско-Католической Церкви поднялась по ступеням лоджии.

– Дон Алоизус! – тут же вскричал маркиз, и все поднялись, чтобы приветствовать вновь пришедшего; Моргана почтила его появление глубоким реверансом. Он возложил руки на её голову в добром благословении.

– Так значит, фантазия мечтательницы осуществилась! – сказал он мягким голосом. – И не лопнула, как мыльный пузырь, а по-прежнему летает и сияет!

Когда он говорил, то учтиво поздоровался со всеми присутствующими кивком головы и с минуту стоял, любясь видом на море и на умирающий закат. Он был очень занятым типом мужчины: высокий и доминирующий в своём поведении и манерах, с приятным лицом, которое можно было назвать почти красивым. Черты его лица походили на изображаемые в классических статуях: крупные ясные глаза далеко отстояли друг от друга под нависшими бровями, которые свидетельствовали об активной умственной деятельности, и улыбка, что осветила его лицо, когда он, отведя взгляд от моря, посмотрел на хозяйку, выражала благожелательную нежность.

– Да, – продолжил он, – вы реализовали своё видение красоты, не так ли? Наш друг Джулио Риварди осуществил все ваши задумки?

– Всё идеально! – сказала Моргана. – Или будет таковым, когда мы закончим. Рабочим ещё есть над чем потрудиться.

– Всем рабочим всегда есть над чем потрудиться! – сказал дон Алоизус спокойно. – И никогда нельзя завершить что-то полностью. А вы, дорогое дитя! Вы счастливы?

Она вспыхнула и побледнела под его глубокомысленным, пристальным взглядом.

– Я... я полагаю! – пробормотала она. – Должна быть счастлива!

Священник улыбнулся и после небольшой паузы занял стул, который маркиз Риварди ему предложил. Остальные гости в лоджии смотрели на него с интересом, очарованные серьёзным шармом его манер. Моргана заняла своё место.

– Я должна быть счастлива, – сказала она. – И, конечно, так и есть, или будет!

– Мужчина никогда не блажен, но только к этому стремится! – процитировал Коронель Бойд. – Так же и женщина! Я как раз говорил этой леди, преподобный отец, что, может быть, ей несколько наскучит этот дворец без того, кто смог бы разделить с ней его красоту.

Дон Алоизус оглянулся вокруг себя с вопросительным выражением.

– А что сама она об этом думает? – спросил он мягко.

– Я вообще ничего не думаю! – быстро сказала Моргана. – Я могу всегда наполнить его друзьями. Бесконечное множество людей будет радо перезимовать на Сицилии.

– Но доставят ли эти друзья вам счастье? – многозначительно спросил маркиз.

Моргана рассмеялась.

– О нет, этого я и не жду! Сегодня никто искренне не беспокоится о чём-либо счастье, кроме своего. Кроме того, я буду слишком занята, чтобы желать чьей-то компании. Я испытываю слабость ко всем видам научных открытий, как вы знаете! Я хочу погрузиться глубже всех, «куда еще не опускался лот»¹.

– Вы лишь обнаружите там ещё большие глубины! – медленно проговорил дон Алоизус. – А на самой далёкой глубине всего – Господь!

После этих слов наступило внезапное молчание. Он продолжил мягким голосом:

– Как это удивительно, что Он оказывается *там* и в то же время *здесь*! Нет необходимости глубоко погружаться, чтобы найти Его. Он близок к нам, как само наше дыхание! Ах! – он вздохнул. – Мне жаль всех этих занятых первооткрывателей – они никогда не дойдут до конца, и пока они ищут ключ к разгадкам, этот маленький секрет лежит у них под ногами!

Наступила ещё одна пауза. Тогда Моргана заговорила очень тихим и смиренным тоном.

– Дорогой дон Алоизус, вы религиозный человек, как говорится, и естественно, что вы относитесь с недоверием ко всем деятелям науки – науки, которая идёт вразрез с вашим учением.

Алоизус поднял руку в протестующем жесте.

– Дитя моё, нет такой науки, которая бы шла вразрез с Источником всех наук! Величайший математик мира не создавал математику – он лишь воспроизводил существующий Божественный закон.

– Это совершенная правда! – сказал маркиз Риварди. – Но синьора Роял считает, что церковное учение противопоставляется научным открытиям...

– Я так не думаю, – размеренно произнёс дон Алоизус. – Мы веками верили в то, что вы зовёте «беспроводной связью»; когда церковный колокол созывает прихожан на службу, мы думаем и надеемся, что сообщение от Бога достигает каждого прихожанина, чья душа находится «в гармонии» с небесными токами; это и есть одно из ваших «научных открытий» и существуют сотни других, которые Церковь присоединяет к таинственному плану творения и пророческому зрению. Нет, я не нахожу в науке ничего противного религии; одни только студенты, внутри которых царит и физический, и моральный раздрой, пытаются найти Бога, отрицая Его существование.

Последовало молчание. Группа людей на лоджии казалась на несколько секунд заворуженной мягким, спокойным голосом священника, его пристальным взглядом и благородным выражением лица. Колокол зазвонил размеренно и нежно, призывая на молитву в недалёкий монастырь, и первые проблески звёзд начали слабо появляться на темнеющих небесах. Лёгкий вздох Морганы нарушил спокойствие.

– Если бы можно было вечно жить в таком настроении! – внезапно воскликнула она. – Посреди этого прекрасного спокойствия в лучах заката и ароматов цветов! И вы, дон Алоизус, произносите такие чудесные слова! Почему бы тогда не быть постоянно счастливым и добрым! Но такое состояние не продлится долго! Человек со временем умирает...

Дон Алоизус снисходительно улыбнулся.

– Неужели? Так ли это жизненно необходимо? Если вы позволите продолжить, то я бы рассказал вам одну историю – простую легенду – однако она может вас утомить...

Общий хор протестов поднялся среди гостей, уверявших его в страстном желании послушать.

– Как будто вы можете кого-либо утомить! – сказала Моргана. – Вы никогда не наскучите – только вы один умеете произвести на меня впечатление, не опускаясь до лести моему самолюбию! Вы напоминаете мне о моей малости!

---

¹ «Буря» Шекспир, перевод Мих. Донского.

– Но вы и есть маленькая – физически, – сказал дон Алоизус. – Вы это имеете в виду? Маленькие вещи всегда самые любимые!

Она покраснела и отвернулась в сторону, когда поймала на себе пристальный взгляд маркиза Риварди.

– Вам не следует делать прелестных комплиментов женщине, преподобный отец, – сказала она беспечно. – Это не ваше призвание!

Его серьезное лицо просветлело, и он рассмеялся с искренним добросердечием.

– Дорогая леди, что вы знаете о моём призвании? – спросил он. – Вы будете меня ему учить? Нет! Уверен, вы не станете пытаться! Слушайте теперь, коль вы дали мне разрешение, то я расскажу вам об одном народе, который когда-то «шёл в ногу со временем» и решил остановиться на этом пути, и до сих пор стоит на той же точке. Вероятно, те из вас, кто много и часто путешествовал, слышали о Медном Городе?

Каждый гость вопросительно посмотрел на остальных, однако безрезультатно.

– Те, кто бывал на Востоке, его знают, – продолжил Алоизус, – и некоторые рассказывают о том, как видели блеск его сияющих башен и куполов вдалеке. Как бы то ни было, предание гласит, что город существует, и основал его сам Святой Иоанн, любимый ученик Христа. Вы помните, что когда Господа спросили о том, где и как суждено умереть Иоанну, то Он ответил: «Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?» Так из написанного распространился слух о том, что Иоанн был единственным учеником, для которого смерти не существовало. А теперь, возвращаясь к легенде, многие верят, что глубоко в ещё неисследованных уголках Египетской пустыни миля за милей катятся волны песка, которые когда-то составляли дно огромного океана, и там стоит великий город, чьи крыши и башни, кажется, сделаны из меди, – город, закрытый и обнесённый медными стенами, вход в который стерегут медные ворота. Здесь обитает особый народ – народ, состоящий из прекрасных человеческих созданий, которые раскрыли тайну вечной молодости и бессмертия на этой земле. Они видели, как века протекают мимо них, течение времени их не касается; они только ждут того дня, когда весь мир освободится лишь для них, и этот грядущий мир будет не для многих, а для избранных. Все открытия нашей современной науки им уже известны, наши изобретения используются у них в обиходе ежедневно, и посредством воздушных волн и световых лучей они могут слышать всё, что происходит в каждой стране. Наши войны и политика значат для них не больше, чем войны и политика муравьёв в муравейниках; они уже оставили позади все подобные тривиальности. Они раскрыли секрет истинного наслаждения жизнью – и они наслаждаются ею!

– Это прекрасная легенда, если она правдива! – сказал Коронель Бойд. – Но всё равно, должно быть, очень скучно жить в закрытом городе, ничего не делая, оставаясь обречённым на вечную молодость и бесконечное существование!

Моргана жадно выслушала рассказ – глаза её заблестели.

– Да, полагаю, что это наскучит через пару веков или около того, – сказала она. – К тому времени испробуешь уже все жизненные возможности и удовольствия.

– Я в этом не так уверен! – вставил маркиз Риварди. – С молодостью ничто не может наскучить – юность не знает скуки.

Прочие слушатели этого разговора засмеялись.

– Не могу полностью с этим согласиться, – проговорила одна леди, которая до сих пор молчала. – В наши дни даже дети скучают и вечно ищут что-нибудь новенькое, будто весь мир уже своё «отыграл» и теперь мы ждём появления иной формы нашей планеты.

– Именно здесь и проявляется стойкость нашей веры, – сказал дон Алоизус. – Мы ждём – мы надеемся! Мы верим в бессмертное будущее впереди и в вечное Высшее Добро.

– Но я думаю, что даже душа может утомиться! – вдруг сказала Моргана. – Настолько утомиться, что даже Высшее Добро может показаться едва ли заслуживающим обладания им!

Тут наступило молчание.

– Бедная дочь! – пробормотала Алоизус с тяжким вздохом, однако она уловила этот шёпот и улыбнулась.

– Я слишком много анализирую и чересчур пессимистична, – сказала она. – Давайте все вместе отправимся на прогулку среди цветов и спустимся к морю! Природа – лучший собеседник, потому что она молчит!

Компания разбилась на группы по двое и по трое и покинула лоджию, выйдя в сад. Риварди немного отстал, подчинившись лёгкому знаку от Алоизуса.

– Она несчастна! – сказал священник. – Со всем её богатством и со всей её умственной одарённостью она несчастна, и даже не довольна. Вам так не кажется?

– Ни одна женщина не бывает ни счастлива, ни довольна жизнью, пока любовь не коснётся её губ и глаз! – отвечал Риварди с налётом страсти в голосе. – Но кто сможет её в этом убедить? Она удовлетворена своим прекрасным окружением – весь дизайн, созданный мною для неё, ей понравился, и она не нашла ни одного недочёта...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.